9(е)
Н492

РУСЬ

ВЪ ЕЯ СТОЛѢЦАХЪ

Е. НЕЛИДОВА.

СТАРАЯ ЛАДОГА

В. Гершмаръ

Хмѣлева
IV классъ
9(с)1
Н492
ЭК

Е. Нелидова

РУСЬ ВЪ ЕЯ СТОЛИЦАХЪ

I.

СТАРАЯ ЛАДОГА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

Межрайонный ассоциат
Московской Гос. библиотеки

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ, 13

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

ГЛАВА I. Ладожское озеро. — Великій древній путь «Изъ Варягъ въ Греки». — Рѣка Волховъ, ея легенды, прошлое и настоящее. — Сказочный героическій періодъ Ладоги и Новгородской области 1

ГЛАВА II. Сказанія иноземныхъ писателей о древнихъ славянскихъ земляхъ и Ладогѣ. — Русскія лѣтописи о славянахъ и Ладогѣ.—Ладога—столица Рюрика и мѣсто смерти Олега.—Историческія мѣста и ихъ легенды . . 12

ГЛАВА III. Христіанство. — Церкви, монастыри и ихъ легенды 27

ГЛАВА IV. Управленіе. — Промыслы, торговля и лоцманство.—Составъ населенія.—Пребываніе голштинскаго посла Олеарія въ Ладогѣ въ XVI в. 42

ГЛАВА V. Бѣдствія Ладоги.—Участіе ладожанъ въ войнахъ новгородцевъ съ шведами, ливонскими нѣмцами и финскими племенами. — Участіе ладожанъ въ распряхъ новгородцевъ съ князьями.—Голодные годы, моровыя повѣтрія, пожары.—Ладога въ XVI вѣкѣ, участіе ея въ войнахъ съ Швеціей при Іоаннѣ Грозномъ 56

ГЛАВА VI. Смутное время на Руси.—Ладога семь лѣтъ въ рукахъ шведовъ. — Окончательное разореніе и запустѣніе.—Состояніе Ладоги въ 1699 году 65

ГЛАВА VII. Окружные пути «изъ державы Царскаго Величества, изъ Поморскихъ странъ, въ Шведскую землю».—

СТРАН.

Война съ Швеціей при Петрѣ Великомъ. — Петръ въ Ладогѣ. — Россія у Балтійскаго моря. — Верфи и каналы. — Старая Ладога уступаетъ мѣсто Новой Ладогѣ 76

ГЛАВА VIII. Раскопки.— Доисторическій человѣкъ южнаго побережья Ладожскаго озера.—Курганы южнаго Приладожья.—Курганы Волхова.—Предполагаемая Олегова могила.— Ладога—Рюрикова крѣпость.— Земляное городище 96

Рис. 1. Общій видъ древняго каменнаго городища въ Старой Ладогѣ съ рѣчки Ладожки.

ГЛАВА I.

Ладожское озеро.—Великій древній путь «изъ варягъ въ греки».—Рѣка Волховъ, ея легенды, прошлое и настоящее. — Сказочный героическій періодъ Ладоги и Новгородской области.

Моремъ называютъ прибрежные жители Ладожское озеро. И дѣйствительно, оно безбрежно и многоводно, какъ море. Вода почти всѣхъ рѣкъ и озеръ сѣверо-западной части Европейской Россіи стекаетъ въ Ладожское озеро. Около четырехъ тысячъ большихъ и малыхъ озеръ Олонецкой губерніи несутъ свои воды рѣками и ручьями въ Онежское озеро, которое, принявъ въ себя рѣки Водлу и Вытегру, вливаетъ воду рѣкой Свирью съ притоками въ Ладожское озеро. Рѣка Сясь несетъ туда же воду всей Тихвинской водной системы, рѣка Волховъ—съ озера Ильмень и всѣхъ притоковъ. Финляндскія водныя системы областей Сиволакса и Кареліи имѣютъ стокъ въ Ладожское озеро черезъ рѣки Вуоксу и Тайпалу.

Всѣ прибрежные ручейки и канавки несутъ свой весенній излишекъ туда же, какъ мелкія подчиненныя племена несутъ свою дань могучему властелину.

Съ незапамятныхъ временъ черезъ озеро шелъ путь изъ настоящаго моря—Балтійскаго или Варяжскаго, какъ называли его въ древности. А это море съ древнихъ временъ связывало дикіе народы сѣвера съ южными болѣе просвѣщенными народами. Оно давало возможность обмѣниваться разными природными богатствами обоихъ концовъ Европейскаго материка. Изъ-за этого пути въ другой, болѣе привлекательный міръ, къ другимъ, болѣе интереснымъ людямъ, шла вѣковая упорная борьба между сѣверными племенами, постепенно образующими могучія государства.

Народы Скандинавскаго полуострова (потомъ шведы) и славяне сѣверо-западной части Европы (потомъ русскіе) были главными дѣйствующими лицами этой кровавой борьбы. Рѣка Волховъ, озеро Ладожское и рѣка Нева—были главнымъ мѣстомъ этой борьбы. Жители Ладоги — были ли это вначалѣ финны, славяне или скандинавы — всегда принимали въ ней участіе.

Въ настоящее время озеро распространяется въ длину почти на двѣсти верстъ, въ ширину почти на сто двадцать пять. Но въ глубокой древности оно было гораздо больше. Русскій лѣтописецъ, говоря о Ладожскомъ озерѣ, пишетъ: «его же устье входитъ въ море Варяжское». Когда-то, слѣдовательно, рѣка Нева была продолженіемъ Ладожскаго озера или широкимъ проливомъ, соединяющимъ озеро съ моремъ. Озеро разливалось на бо́льшее пространство, чѣмъ теперь, и устье рѣки Волхова, впадающей въ него, находилось южнѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Рис. 2. Карта великаго пути и изъ «варягъ въ греки». Разселеніе славянъ на зарѣ исторіи Руси.

Берега южной части озера были низменные и болотистые. Богатые дремучіе лѣса покрывали ихъ на большомъ пространствѣ. Много тысячъ лѣтъ тому назадъ жили въ этихъ лѣсахъ и по этимъ берегамъ доисторическіе люди,—такъ называемые люди каменнаго вѣка. На протяженіи тысячъ лѣтъ эти дикіе люди выбирались мало-по-малу изъ земляныхъ берлогъ, заводили первобытныя суда, чтобы плавать по рѣкамъ и озерамъ, добирались до моря и начинали сношенія съ болѣе образованными странами.

Такъ какъ предметы, необходимые для человѣческой жизни, разсѣяны по всей землѣ, то людямъ издавна приходилось ѣздить, чтобы доставать нужныя имъ вещи. Рѣки, моря и озера, раздѣляющія страны, сдѣлались путями сообщенія. Такой путь съ юга на сѣверъ и обратно образовался въ очень древнія времена изъ моря Понтійскаго или Русскаго (нынѣшняго Чернаго) въ море Варяжское (нынѣшнее Балтійское). Уже въ VI вѣкѣ послѣ Р. Хр. былъ извѣстенъ этотъ великій торговый путь «изъ варягъ въ греки». Вотъ какъ описываетъ его позднѣе русскій лѣтописецъ: «путь древній: изъ Грекъ черезъ море Понтійское до Днѣпра; вверхъ же Днѣпра волокъ есть до Волоти (р. Ловать) и по Волоти внити въ Ильмень озеро, великое озеро Невъ, его же устье входитъ въ море Варяжское, и по тому морю идти даже до Рима, а отъ Рима прійдти моремъ же къ Царюграду (Константинополь), отъ Царяграда въ Понтъ, въ него течетъ Днѣпръ рѣка».

По этому пути издавна спускались съ сѣвера дружины норманскихъ викинговъ (т. е. морскихъ королей) на югъ для опустошенія береговъ древней Греческой имперіи. Этимъ же путемъ производилась торговля между сѣверомъ и югомъ Европы. Озеро Ильмень, принимая въ себя многовѣтвистую рѣку

Ловать, выпускаетъ въ Ладожское озеро рѣку Волховъ. Великій водный путь шелъ изъ Финскаго залива по рѣкѣ Невѣ въ Ладожское озеро, отсюда Волховомъ въ Ильмень, изъ Ильменя Ловатью, затѣмъ волокомъ, т. е. мелкими рѣками и сухимъ путемъ до верховьевъ Днѣпра (см. рис. 2, карта).

По нѣкоторымъ указаніямъ древнихъ иностранныхъ историковъ можно судить, что греки еще до Р. Хр. знали о сѣверномъ морѣ, съ береговъ котораго привозился янтарь. Янтарь чрезвычайно цѣнился древними культурными народами, и купцы торговали имъ съ большой выгодой. На этомъ основаніи купцы однихъ народовъ скрывали мѣста добычи янтаря отъ другихъ. Для огражденія своихъ интересовъ они даже запугивали неопытныхъ людей, разсказывая разныя небылицы о сѣверныхъ народахъ, называя ихъ чудовищами, людоѣдами и т. п. Но все-таки торговля янтаремъ развивалась. Она, можетъ быть, и дала первый толчекъ къ сношенію южныхъ болѣе развитыхъ и просвѣщенныхъ людей съ сѣверными дикарями и къ открытію торговаго пути «изъ варягъ въ греки».

Современемъ по всѣмъ указаннымъ въ этомъ пути рѣкамъ разселились многочисленныя славянскія племена—ильменскіе славяне, кривичи, сѣверяне, поляне и другія. Здѣсь же основалось впослѣдствіи и русское княжество, концами котораго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главными пунктами, соединяющими сѣверъ и югъ, были Новгородъ и Кіевъ.

Торговля въ древнія времена была тѣсно связана съ морскимъ разбоемъ, главными представителями котораго были варяги. Они пріѣзжали изъ Варяжскаго моря, останавливались у какого-нибудь берега и начинали торговать съ мѣстными жителями, но

при первомъ же удобномъ случаѣ брались за оружіе и грабили ихъ. Вѣроятно, эта привычка была и у русскихъ купцовъ при первыхъ русскихъ князьяхъ. Византійское (греческое) правительство, входя съ ними въ торговые договоры, всегда выговаривало себѣ мѣры противъ буйства русскихъ купцовъ.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ торговли прежде варяговъ, а потомъ русскихъ, со столицей Греціи, Константинополемъ, были невольники, которыхъ водили скованными по берегамъ рѣкъ во время трудныхъ переѣздовъ черезъ пороги. Варяги, или скандинавскіе морскіе разбойники, опустошавшіе берега почти всей Европы, доставляли большое количество невольниковъ въ Новгородъ, обмѣнивая ихъ тамъ на греческіе и восточные товары. А то и сами, въ видѣ «гостей» (купцовъ), спускались по водному пути въ Константинополь. Кромѣ невольниковъ русскими товарами считались въ Константинополѣ воскъ, медъ и мѣха.

Города, стоявшіе по великому торговому пути, получали съ юга (изъ Греціи) и съ востока — изъ царствъ Хозарскаго на Волгѣ и Болгарскаго на Камѣ— разные предметы роскоши, изящнаго искусства, дорогія цвѣтныя ткани шелковыя и шерстяныя, а также различныя индійскія благовонныя вещества.

Въ такой большой и значительной торговлѣ принимали участіе въ старыя времена Ладожское озеро и рѣка Волховъ, и одной изъ такихъ важныхъ торговыхъ пристаней была нынѣшняя Старая Ладога.

Народы, съ незапамятныхъ временъ селившіеся по Волхову или пріѣзжавшіе сюда съ сосѣднихъ озеръ и морей, изъ поколѣнія въ поколѣніе передавали разныя сказки и были о своихъ предшественникахъ и ихъ жизни. Сказки и были перемѣшивались, и обра-

зовывались преданія, хранящіяся въ народахъ тысячелѣтіями.

Рѣка Волховъ, говоритъ одно изъ такихъ преданій, называлась когда-то Мутной рѣкой, потому что вода въ ней была всегда мутная и не чистая. Красноватый оттѣнокъ воды старыя преданія приписываютъ потокамъ людской крови, пролитымъ здѣсь въ борьбѣ воинственныхъ племенъ между собою. Волховомъ же стала называться рѣка по имени старшаго сына князя Славяна, поселившагося на ней. А по другому преданію, царскій сынъ Волховъ, оборотившись змѣемъ, причинялъ вредъ всѣмъ ходящимъ по рѣкѣ челнамъ, пока самъ не потонулъ въ ней. Послѣ того она и стала называться Волховомъ. Можетъ быть, этотъ змѣй указываетъ на дракона, который изображался на древнихъ судахъ варяжскихъ разбойниковъ, дѣйствительно обижавшихъ челны мирныхъ людей.

Челны и теперь плаваютъ по Волхову, бѣгаютъ по нему небольшіе пароходы, идутъ буксирные тихоходы, медленно тянутся громоздкія баржи и длинные плоты, но никакой змѣй не безпокоитъ ихъ. И они сами не слишкомъ нарушаютъ покой старой, отдыхающей отъ бурнаго прошлаго, рѣки.

Съ XII вѣка начала развиваться торговля Новгорода съ нѣмецкими городами, а впослѣдствіи онъ принялъ участіе въ ихъ торговомъ союзѣ, называвшемся Ганзейскимъ. Съ этого же времени путь отъ Финскаго залива по рѣкѣ Невѣ, Ладожскому озеру и Волхову слыветъ подъ именемъ Новгородскаго, и начинается изъ-за него опредѣленная и почти непрерывная борьба новгородцевъ со шведами.

Послѣ паденія Новгорода, когда великій князь Іоаннъ III закрылъ ганзейскую контору и изгналъ нѣ-

мецкихъ купцовъ изъ Русской земли, Новгородскій путь утратилъ свое значеніе въ достаточной степени. Особенно же повліяло на торговое движеніе по нему открытіе англичанами въ XVI вѣкѣ новаго пути въ Россію—черезъ Бѣлое море, и основаніе новой гавани Архангельска. Конечно, благодаря близости Петербурга, Волховъ и теперь еще не утратилъ значенія торговаго пути, а только раздѣлилъ свои обязанности со многими другими рѣками. Теперь Волховъ сплавляетъ внизъ по теченію дрова, лѣсной строительный матеріалъ, сѣно и рыбу и доставляетъ вверхъ хлѣбъ. Наряду съ маленькими буксирными пароходиками тянутся громоздкія баржи при помощи бечевы, въ которую запряжены лошади, идущія по берегу. При переѣздѣ черезъ пороги впрягаютъ нѣсколько десятковъ и даже до сотни лошадей. Старый Волховъ, хранящій въ своей памяти боевые клики воинственныхъ викинговъ и удалыхъ новгородскихъ «ушкуйниковъ», разбойничавшихъ на своихъ легкихъ ладьяхъ, оглашается теперь несмолкаемыми понуканіями и руганью погонщиковъ несчастныхъ замореннныхъ клячъ.

Въ тринадцати верстахъ отъ Ладожскаго озера и нынѣшняго устья Волхова раскинулось по берегу его небольшое селеніе, съ бѣлыми монастырскими стѣнами и пестрыми старинными церквами по бокамъ. Впереди, на остроконечномъ полуостровѣ, омываемомъ Волховомъ и рѣкой Ладожкой, выдвинулась вросшая въ землю зубчатая развалина изъ дикаго камня, а сзади раскинулись холмистыя зеленыя поля. Съ обѣихъ сторонъ все это охраняется, какъ безмолвными стражами, высокими зелеными курганами.

Это Старая Ладога—древняя торговая пристань и пограничная твердыня Новгорода.

Когда основалась Ладога, каковъ былъ ея первоначальный видъ, и какого племени были люди, населявшіе ее съ самаго начала,—знаетъ, можетъ быть, только старый Волховъ, который ревниво хранитъ свою тайну. По положенію своему у Ладожскаго озера и Волхова, она была съ давнихъ поръ извѣстна побережнымъ жителямъ Варяжскаго моря. Древнѣйшія скандинавскія преданія тѣсно связываютъ жизнь скандинавскихъ народовъ съ жизнью города Альдейгобурга, какъ называютъ они Ладогу, и Гардарикіи (страна городовъ)—Новгородской области. По преданіямъ скандинавовъ самъ Одинъ (ихъ верховный богъ) первоначально царствовалъ въ предѣлахъ Гардарикіи.

Одинъ поручилъ, говоритъ сага (скандинавская былина), царство Гардовъ сыну своему Сигурламію, который палъ въ битвѣ съ великимъ Тіассіемъ. Ему наслѣдовалъ сынъ его Свавурламій, получившій знаменитый въ Скандинавіи мечъ Тырвингъ и убившій имъ Тіассія. Свавурламія убилъ Ангримъ, морской разбойникъ съ острова Больма. Завладѣвшій мечомъ Тырвингомъ, Ангримъ женился на дочери Свавурламія Ейварѣ. Двѣнадцать сыновей Ангрима были въ большой дружбѣ съ царемъ Альдейгобурга (Ладоги) Біартрамомъ, и старшій изъ нихъ Ангантиръ женился на его дочери Свавѣ. Ангантиръ палъ въ битвѣ съ знаменитымъ скандинавскимъ воителемъ Гіальмаромъ, на островѣ Самсейѣ, здѣсь же погибли и его одиннадцать братьевъ въ борьбѣ съ товарищемъ Гіальмара, странствователемъ Оддомъ. Отъ брака Ангантира съ Свавою родилась дочь Гервара, знаменитѣйшая воительница Скандинавіи. Гервара воспитывалась у

дѣда въ Альдейгобургѣ. Пришедши въ возрастъ, она собрала дружину удальцовъ и, подъ мужскимъ именемъ Гіоварда, странствовала по морямъ и производила ужасные грабежи. Наконецъ, прибывъ на островъ Самсей, Гервара вызвала изъ могилы отца и получила изъ его рукъ знаменитый мечъ Тырвингъ. Послѣ этого она возвратилась въ Альдейгобургъ, жила снова у дѣда, занимаясь женскими рукодѣльями, и вышла затѣмъ замужъ за Говунда, владѣтеля Іонтунгейма, страны злыхъ чародѣевъ, за рѣкой Печорой. Отъ этого брака родился извѣстный воинъ Гейдрекъ, которому мать передала мечъ Тырвингъ.

Гейдрекъ впослѣдствіи завладѣлъ Рейдготіей (нынѣшняя Ютландія) и былъ въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Роллавгомъ, знаменитымъ тогда государемъ Гардарикскимъ (Новгородскимъ). Во время морскихъ набѣговъ Гейдрекъ часто посѣщалъ Гольмгардъ (Новгородъ) и женился, въ концѣ концовъ, на дочери Роллавга Гергердѣ, получивъ за ней въ приданое Винландію, и т. д.

Такъ разсказываютъ древнія скандинавскія преданія о Гардарикіи и Альдейгобургѣ и объ ихъ государяхъ отъ Одина до Ангантира, жившаго, по ихъ словамъ, за десять поколѣній до Рюрика.

Къ половинѣ IX вѣка христіанскаго лѣтосчисленія Гардарикія была уже обширной Новгородской областью, населеніе которой состояло главнымъ образомъ изъ племенъ славянскихъ, затѣмъ финскихъ и скандинавскихъ. Альдейгобургъ (Ладога) вѣроятно былъ уже въ это время въ числѣ подчиненныхъ ей городовъ. Въ это же время произошли ссоры съ варягами, послѣ чего начались междоусобія и внутреннія непорядки. Саги объясняютъ смуты прекращеніемъ древней династіи государей въ Гардарикіи.

Саги позднѣйшаго времени говорятъ уже объ Альдейгобургѣ въ связи съ именами первыхъ русскихъ князей и скандинавскихъ королей или ихъ родственниковъ.

Такъ, норвежскій король Олафъ Триггезонъ въ молодости, спасаясь бѣгствомъ отъ непріятеля, искалъ покровительства у князя Владиміра (980 г.) и провелъ годъ въ Альдейгобургѣ (Ладогѣ) начальникомъ пограничнаго отряда. Изъ этихъ же сагъ мы узнаемъ, что Ярославъ былъ женатъ на шведской королевнѣ Ингигердѣ. Вслѣдствіе этого брака въ Альдейгобургѣ водворился и долгое время жилъ, въ качествѣ мѣстнаго правителя, родственникъ Ингигерды шведскій ярлъ Рангвальдъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ ней изъ Швеціи. Рангвальдъ женился на Ингеборгѣ, сестрѣ норвежскаго короля Олафа Триггезона. Въ Ладогѣ же служилъ нѣкоторое время у Ярослава зять его Гаральдъ, женатый на его дочери Елизаветѣ. Въ Ладогѣ же скрывался шведскій королевичъ Магнусъ, искавшій покровительства у Ярослава послѣ гибели отца, павшаго въ сраженіи съ датчанами.

Вообще скандинавскія саги указываютъ на многихъ знатныхъ витязей, служившихъ въ дружинахъ русскихъ князей. Каждый пришелецъ получалъ мѣсто, смотря по своей извѣстности. А по нашимъ древнимъ былинамъ князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей такими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ,
А по имени вамъ можно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати.

ГЛАВА II.

Сказанія иноземныхъ писателей о древнихъ славянскихъ земляхъ и Ладогѣ.—Русскія лѣтописи о славянахъ и Ладогѣ.—Ладога—столица Рюрика и мѣсто смерти Олега.—Историческія мѣста и ихъ легенды.

Торговые люди въ старину, переѣзжая изъ края въ край, составляли для памяти дорожники или путеуказатели, которые при случаѣ служили и для военныхъ походовъ. Эти же дорожники были главнымъ матеріаломъ для географическихъ свѣдѣній ученыхъ географовъ и историковъ того времени. По большей части это были простыя перечисленія мѣстъ или народовъ съ часто вымышленными прибавленіями о жизни послѣднихъ. Вѣроятно, и извѣстный отецъ исторіи, греческій историкъ Геродотъ, жившій въ V вѣкѣ до Р. Хр., пользовался этимъ же матеріаломъ, когда писалъ о жителяхъ теперешней Россіи. По его свидѣтельству на сѣверныхъ берегахъ Понта (Чернаго моря) жили киммеріяне, къ сѣверу отъ нихъ скиѳы, за ними исседоны, за ними аримаспы (одноглазные), грифы и, наконецъ, у сѣвернаго океана гипербореи.

Писатели первыхъ вѣковъ послѣ Р. Хр., пользуясь, наряду съ путеуказателями, и другими, болѣе достовѣрными источниками, упоминаютъ уже и о славянахъ. Они знаютъ ихъ подъ именемъ венедовъ, живущихъ около рѣки Вислы, между племенами сарматскими, финскими и германскими. Римскій историкъ Тацитъ сначала сомнѣвается, къ какимъ племенамъ причислить венедовъ: къ германскимъ или сарматскимъ. «Они много приняли изъ сарматскихъ

нравовъ,—говоритъ онъ,—потому что какъ разбойники скитаются по странѣ». Но, когда Тацитъ ближе ознакомился съ описываемымъ народомъ, то нашелъ, что онъ отличается отъ сарматовъ, проводящихъ жизнь въ кибиткахъ и на лошадяхъ. Венеды, по словамъ Тацита, строятъ дома и сражаются пѣшими и со щитами.

Извѣстный александрійскій астрономъ и географъ Птоломей, жившій во второмъ вѣкѣ послѣ Р. Хр., указывалъ на племя Ставанъ, жившее въ нынѣшней Новгородской области. На трехъ мѣстахъ своей карты онъ обозначаетъ народъ Амадогу, городъ Амадогу и озеро Амадогу. Озеро онъ помѣщаетъ вверху западнаго притока Днѣпра. Имѣя въ рукахъ источники громадной александрійской библіотеки того времени, Птоломей пользовался также и современными путеводителями. Вѣроятно, онъ не разъ встрѣчалъ названіе мѣстности и озера Амадога, но не зналъ, куда правильнѣе помѣстить ихъ. Можетъ быть, это было искаженное названіе озера, народа и города Ладога.

Писатели слѣдующихъ вѣковъ постоянно упоминаютъ венедовъ и сербовъ, живущихъ на востокѣ отъ нихъ. Въ половинѣ VI вѣка свѣдѣнія о славянскихъ племенахъ и мѣстностяхъ, обитаемыхъ ими, становятся ужъ гораздо точнѣе.

Готскій историкъ Іорнандъ говоритъ, что многочисленное племя венедовъ раздѣлялось на два народа—славянъ, жившихъ отъ верховьевъ Вислы на востокъ до Днѣпра, и антовъ, которые были сильнѣе первыхъ и жили въ странахъ припонтійскихъ отъ Днѣпра до Днѣстра. Греческій историкъ Прокопій также знаетъ славянъ и антовъ, прибавляя, что въ древности оба народа были извѣстны подъ однимъ

общимъ именемъ споровъ, въ которомъ новѣйшіе изслѣдователи видятъ сербовъ.

Въ IX и X вѣкахъ арабскіе писатели пишутъ уже очень много и подробно о новгородскихъ славянахъ, варягахъ и руссахъ, которые ведутъ въ это время оживленную торговлю съ Болгарскимъ царствомъ на Камѣ.

Писатели Аль-Масуди и Идрисси посѣтили «Руссію» въ IX вѣкѣ, писали объ ней и упоминали, между прочимъ, объ одномъ изъ многочисленныхъ славянскихъ племенъ Лудана и о городѣ ихъ Луджага, находящемся къ сѣверу отъ Новгорода. Можетъ быть, эти названія также означали городъ Ладогу и славянское племя, жившее въ ней.

Русскіе лѣтописцы заимствовали первыя свѣдѣнія о древнихъ славянахъ у греческихъ историковъ. Когда Русь приняла христіанство отъ Византіи, то духовенство византійское, вмѣстѣ съ христіанскимъ вѣроученіемъ, принесло въ нее и священныя книги. Первые русскіе священники научились читать эти книги, они участвовали и во всѣхъ сношеніяхъ русскихъ съ Византіей. Пріѣзжая въ Византію при русскомъ посольствѣ, они воспринимали византійскую образованность. Читая греческія книги, они познакомились съ исторіей, съ записями и хроникой историческихъ событій. Духовныя лица, участвовавшія въ военныхъ походахъ русскихъ въ Византію, знали подробный ходъ войны и помогали составлять договоры. По примѣру византійскихъ историковъ и по ихъ образцамъ, они стали вести свои записки, свою «хронику» событій, или лѣтописи. Взявъ начало описанія историческихъ событій изъ старыхъ византійскихъ лѣтописей, они прибавляли къ нимъ старыя славянскія преданія, хранившіяся въ народѣ. Такъ за-

родилась русская лѣтопись среди духовенства и перешла въ древніе русскіе монастыри. Изъ поколѣнія въ поколѣніе переписывали монахи хронику и вели дальше лѣтописи въ разныхъ мѣстахъ и въ многочисленныхъ спискахъ, часто противорѣчащихъ одинъ другому. Въ позднѣйшія времена русскіе и иностранные историки разбирали эти лѣтописи, пользуясь списками, болѣе соотвѣтствующими общему ходу историческихъ событій. Но разобраться въ истинности разныхъ подробностей этихъ списковъ невозможно, потому нѣкоторыя мѣста въ нихъ такъ и остались загадочными и сомнительными.

Русскій лѣтописецъ такъ пишетъ о первоначальномъ мѣстѣ жительства славянъ и ихъ движеніи: «Спустя много времени послѣ Вавилонскаго столпотворенія, сѣли славяне по Дунаю, гдѣ теперь земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ славянъ разошлись по землѣ племена и прозвались своими именами, гдѣ которое племя сѣло на какомъ мѣстѣ: одни пришли и сѣли на рѣкѣ именемъ Морава и прозвались моравами, другіе назвались чехами; а вотъ тоже славяне—хорваты бѣлые, сербы и хоружане». Затѣмъ дальше: «Тако же и тѣ же словѣне, пришедше, сѣдоша межи Припетю и Двиною и наркошася дреговичи. И иніи, сѣдоша на Двинѣ, наркошася полочане, рѣчки ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полоша. Словѣне же, сѣдоша около озера Илмера (Ильменя), и прозвашеся своимъ именемъ. И сдѣлаша градъ и нарѣкоша Новгородъ».

Въ другомъ спискѣ пишется такъ: «Пришедше словѣне з Дуная и сѣдоша у озера Ладожьскаго отъ толѣ пріиде и сѣдоша около озера Илмера и прозвашеся своимъ именемъ». Здѣсь лѣтописецъ хочетъ указать, что славяне предварительно сѣли у Ладожскаго озера,

а потомъ уже пошли къ Ильменю, можетъ быть, подъ давленіемъ варяговъ или какихъ-нибудь другихъ враждебныхъ народовъ.

По пути своего разселенія къ сѣверо-востоку славяне всюду встрѣчали дикія финскія племена, съ которыми и смѣшивались. Эти финскія племена встрѣчаются подъ разными названіями у всѣхъ упомянутыхъ нами древнихъ историковъ, начиная съ Геродота. Всегда финны жили преимущественно въ лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстахъ. Тацитъ указываетъ на ихъ «изумительную дикость и гнусную скудость». Финны постепенно уступали передъ славянами, подчиняясь ихъ народности и приравниваясь къ нимъ. Около десятаго вѣка финны, наравнѣ съ славянами, имѣли города; наравнѣ съ ними терпѣли отъ внутреннихъ неурядицъ по изгнаніи варяговъ, вслѣдствіе чего и участвовали вмѣстѣ съ ними въ призваніи князей.

Варягами называли дружины норманскихъ викинговъ или морскихъ королей, состоявшія изъ уроженцевъ Скандинавскаго полуострова и Ютландіи, часто знатнаго происхожденія. Волею или неволею викинги покидали отечество и искали счастья на моряхъ или въ чужихъ странахъ. Они любили свое водное королевство и охотно умирали за него, какъ за свое отечество. Шведскій поэтъ XIX столѣтія Тегнеръ такъ охарактеризовалъ древнихъ викинговъ и ихъ жизнь:

«Ни шатровъ на судахъ, ни ночлега въ домахъ:
Супостатъ за дверьми стережетъ;
Спать на ратномъ щитѣ, мечъ булатный въ рукахъ,
А шатромъ голубой небосводъ».

Затѣмъ дальше:

«Какъ взыграетъ гроза, подыми паруса:
Подъ грозою душѣ веселѣй.
Пусть гремитъ, пусть реветъ: трусъ, кто парусъ совьетъ!
Чѣмъ быть трусомъ, погибни скорѣй!

Ты купца, на пути повстрѣчавъ, защити;
Но возьми съ него должную дань.
Ты владыка морей, онъ же прибыли рабъ:
Благороднѣйшій промыселъ брань».

И такъ далѣе.

Варяги издавна пріѣзжали на побережья Ладожскаго озера и Волхова и безпокоили жителей, облагая ихъ данью. Племена, жившія на сѣверо-западѣ Европы, хорошо знали ихъ и невольно подчинялись имъ, какъ людямъ, обладающимъ силой и опытностью въ ратномъ дѣлѣ. Лѣтописецъ говоритъ, что «брали дань варяги изъ-за моря на чуди, славянахъ новгородскихъ, мери, веси и кривичахъ».

Въ 862 году, по свидѣтельству лѣтописца, племена, платившія дань варягамъ, прогнали ихъ за море, не дали имъ дани и начали сами у себя владѣть. «Изгнаша варягы за море и не даша имъ дани. И начаша сами въ соби володѣти. И не бѣ въ нихъ правды и вста родъ на родъ, и быша усобицы въ нихъ и воевати сами на ся почаша». При такихъ обстоятельствахъ племена собрались и рѣшили искать себѣ князя. «Идоша за море къ варягамъ къ руси; и рекоша русь, чюдь, словяне, кривичи и вся: земля наша велика и обильна, а наряду въ ней нѣтъ; да поидеши княжить и володѣть нами». Затѣмъ дальше: «И избрашася тріе брата съ роды своими и придоша къ словѣнемъ первѣе и срубиша городъ Ладогу. И сѣде старѣйшій въ Ладози Рюрикъ, а другой Синеусъ на Бѣлѣ озерѣ, а третій Труворъ въ Изборскѣ».

Здѣсь мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ городъ Ладогу. Но вѣроятнѣе всего, что, говоря «срубиша городъ Ладогу», лѣтописецъ хотѣлъ

сказать, что Рюрикъ выстроилъ нѣчто въ родѣ крѣпости въ существовавшей уже тогда Ладогѣ.

По свидѣтельству древнихъ иностранныхъ писателей у славянъ всегда было очень много городовъ. Одинъ географъ X вѣка насчитывалъ на всемъ протяженіи славянскихъ земель на югѣ и западѣ около 3,760 городовъ. «Городомъ» славяне называли всякое огороженное или укрѣпленное отъ нападенія непріятелей мѣсто. Арабскій писатель Ибна-Якубъ, путешествовавшій по славянскимъ землямъ въ 965 году, такъ описывалъ постройку городовъ или крѣпостей славянами: «Они выбираютъ луга, богатые водой и тростникомъ, намѣчаютъ тамъ мѣсто круглое или четыреугольное, затѣмъ кругомъ этого мѣста выкапываютъ ровъ и изъ вынимаемой земли насыпаютъ валъ. Они укрѣпляютъ этотъ валъ досками и сваями, утаптывая землю, пока валъ не достигнетъ желаемой высоты. Затѣмъ они продѣлываютъ ворота, на какой сторонѣ захотятъ, и подходятъ къ нимъ по деревянному мосту». Въ болѣе возвышенныхъ мѣстностяхъ укрѣпленія строили на берегу рѣчки или на сліяніи двухъ рѣкъ. По краямъ береговой возвышенности насыпался валъ, такъ что середина возвышенности принимала видъ углубленной котловины. Много остатковъ такихъ укрѣпленій сохранилось до сихъ поръ и извѣстно подъ названіемъ «городищъ».

Итакъ Рюрикъ, по лѣтописи, поселился въ Ладогѣ. Можно предположить, говоритъ историкъ Соловьевъ, что Рюрику было выгоднѣе поселиться въ Ладогѣ, чѣмъ въ Новгородѣ. Ладога стояла у начала великаго воднаго пути и была ближе къ морю, потому положеніе ея было болѣе важное, чѣмъ положеніе Новгорода. И, кромѣ того, въ случаѣ, если бы Рюрикъ не поладилъ съ выбравшими его племенами, и они снова

возмутились бы противъ него, ему легче было уйти за море изъ Ладоги, чѣмъ изъ Новогорода. Вообще, въ Ладогѣ онъ могъ удобнѣе укрѣпиться для защиты отъ всякихъ враговъ, какъ себя, такъ и подвластной ему теперь области. Согласно лѣтописи, Рюрикъ прожилъ въ Ладогѣ два года, пока были живы его братья. Послѣ ихъ смерти онъ перебрался въ Новгородъ.

Новгородскія лѣтописи связываютъ Ладогу также и съ именемъ любимаго русскаго князя и героя Олега Вѣщаго. Олегъ поѣхалъ съ маленькимъ сыномъ умершаго Рюрика Игоремъ на югъ по Днѣпру. Тамъ княжили въ это время недовольные Рюрикомъ и ушедшіе отъ него дружинники Аскольдъ и Диръ. Заманивъ князей хитростью на берегъ, Олегъ приказалъ убить ихъ и сталъ княжить въ Кіевѣ, назвавъ его «матерью городовъ русскихъ». Но, по новгородскимъ лѣтописямъ, онъ всегда любилъ Ладогу и часто жилъ въ ней. Вопреки общепринятому мнѣнію, что Олегъ умеръ въ Кіевѣ, новгородскія лѣтописи указываютъ на то, что онъ умеръ на пути въ Ладогу (въ 922 г.) недалеко отъ нея. «Иде Одегъ къ Новугороду и оттуда въ Ладогу. Друзіи же сказываютъ, яко идущю ему за море и уклюну зміа въ ногу и съ того умре; есть могила его въ Ладози». Народная молва указываетъ и могилу Олега — громадный конусообразный курганъ верстахъ въ восьми отъ Ладоги.

Мѣстныя преданія не хотятъ уступать Ладогу скандинавамъ. Они повѣствуютъ, что еще въ отдаленныя языческія времена славяне основали Ладогу и назвали ее такъ по имени своего бога любви и согласія—Ладо. Ладо самъ приплылъ по рѣкѣ въ Ладогу и сталъ на прибрежномъ холмѣ. До сихъ поръ указываютъ на берегу рѣчки Ладожки красивый крутой зеленый холмъ, съ выравненной площадкой на

вершинѣ. Стоитъ онъ среди густого сочнаго луга, пестрѣющаго цвѣтами, и вплотную окруженъ частымъ кустарникомъ, обвитымъ хмелемъ. Изъ подошвы его бьетъ родникъ чистой холодной воды.

На небольшомъ полуостровѣ, омываемомъ съ одной стороны Волховомъ, съ другой Ладожкой, возвышается развалина каменной твердыни, которую мѣстное преданіе упорно называетъ Рюриковой крѣпостью. Выдвинутая впереди города, она была поставлена, какъ стражъ на защиту его. Крѣпкія надежныя стѣны, сложенныя изъ громадныхъ булыжниковъ и кирпичей, соединялись по угламъ круглыми башнями съ бойницами. И теперь еще нависаютъ остатки грозныхъ когда-то стѣнъ и башенъ надъ Волховомъ и Ладожкой. Все глубже и глубже вростаетъ развалина въ землю, обрастая травой и кустарникомъ. Толстые цѣпкіе корни рябинъ вросли въ ея камни и, словно громадныя могучія змѣи, переплелись между ними. Свѣжая зеленая листва и ярко красныя гроздья ягодъ, смѣясь и радуясь въ солнечный день, ласкаютъ сѣрые, источенные временемъ, мшистые камни и будто издѣваются надъ смертью и тлѣніемъ.

По словамъ жителей на одной изъ башенъ была плита съ какой-то надписью, но еще въ началѣ прошлаго столѣтія она упала и разбилась въ куски.

Въ лѣтописи опредѣленно указывается, что въ 1114 году была заложена каменная крѣпость въ Ладогѣ. «Томъ же лѣтѣ Павлъ посадникъ Ладожскій заложи Ладогу городъ камянъ». Но народная молва не сдается, и ей вторятъ нѣкоторые русскіе и иностранные писатели.

Развалины, существующія, во всякомъ случаѣ, около тысячи лѣтъ, всегда возбуждали и до сихъ

поръ возбуждаютъ народную фантазію. Круглыя отверстія бойницъ, какъ пустыя глазныя впадины черепа, зіяютъ на облѣзлыхъ, осыпающихся стѣнахъ. Полуобвалившіяся ступени лѣстницъ, уходящихъ куда-то подъ землю, сырые, узкіе и темные переходы, полузасыпанные щебнемъ и землей, какія-то толстыя заржавленныя кольца, привинченныя къ стѣнамъ темныхъ углубленій, въ родѣ подземныхъ темницъ— развѣ все это не достаточный матеріалъ для всевозможныхъ вымысловъ? И среди жителей Ладоги съ давнихъ поръ возникали легенды о глухихъ подземельяхъ, гдѣ томились узники временъ Рюрика и позднѣйшихъ владѣтелей крѣпости-замка. Онѣ разсказываютъ о безконечныхъ ходахъ, идущихъ подъ Волховъ и соединявшихъ крѣпость съ противоположнымъ берегомъ или, можетъ быть, съ другими подобными крѣпостями по берегу Волхова, отъ которыхъ не осталось теперь слѣдовъ.

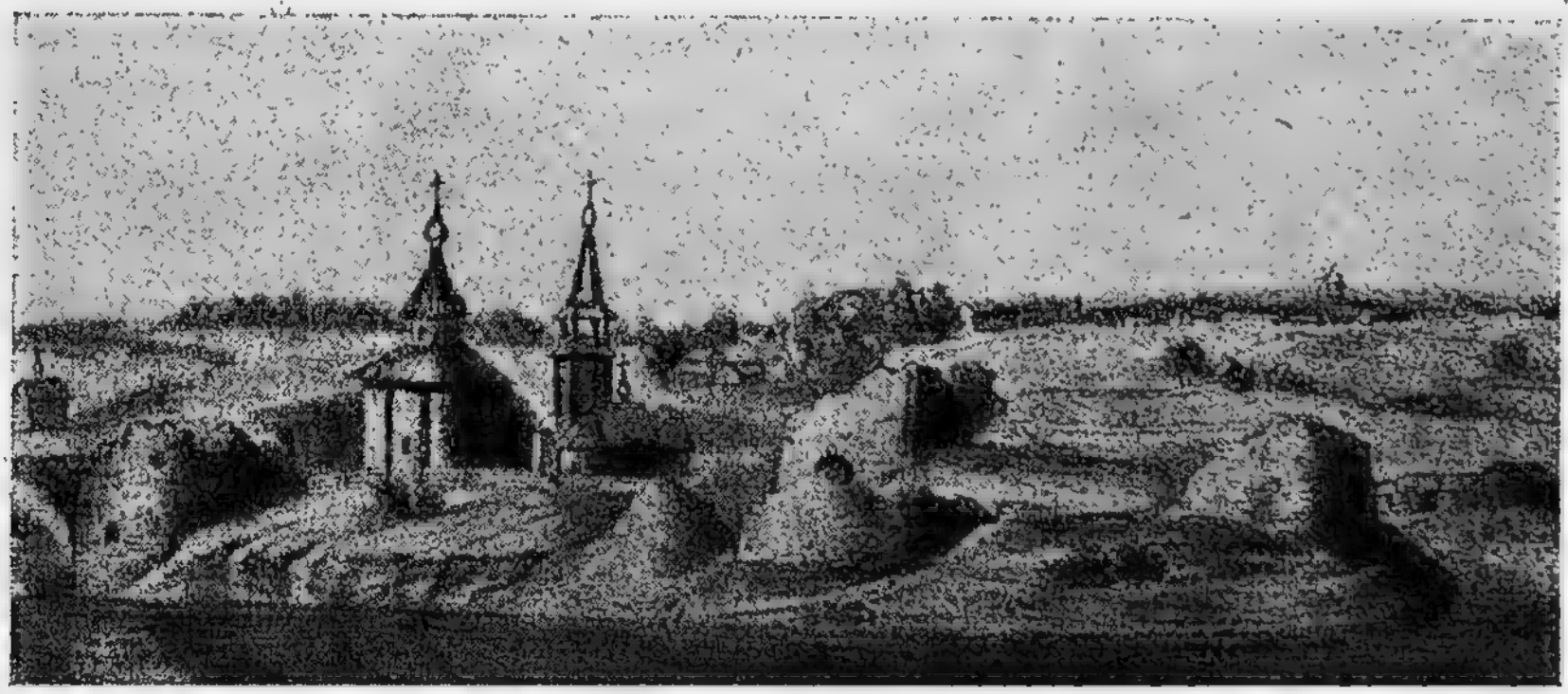

Рис. 3. Видъ городища Старой Ладоги со стороны Волхова въ 1809 году.

Еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія были извѣстны попытки нѣкоторыхъ смѣльчаковъ. Они хо-

тѣли проникнуть въ тайники крѣпости и, можетъ быть, найти тамъ несмѣтныя сокровища русскихъ князей или норманскихъ викинговъ и даже самый золотой гробъ съ прахомъ Рюрика, стоящій въ одномъ изъ таинственныхъ проходовъ подъ волнами Волхова.

Въ 1811 году генералъ-майоръ Герардъ пробрался черезъ одно изъ выходящихъ наружу отверстій на внутреннюю каменную лѣстницу. Лѣстница привела его въ просторную четырехугольную комнату, изъ которой онъ прошелъ снова по лѣстницѣ въ другую такую же комнату. Отсюда шли подземные ходы на большое пространство, но изслѣдователь не могъ продолжать своихъ изысканій. Густой и сырой воздухъ препятствовалъ дыханью, и множество нетопырей преграждали путь.

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія была предпринята даже цѣлая экспедиція съ цѣлью изслѣдованія Рюриковой крѣпости. Участниками экспедиціи были: писатель А. Башуцкій, священникъ Антоній Бочковъ и ладожскій старожилъ дьяконъ Савва Бѣляевъ. Участники экспедиціи разсказывали, что они отперли маленькую ветхую дверь подъ юго-восточной угловой башней. Дверь вела къ рѣкѣ и была задвинута тяжелымъ желѣзнымъ засовомъ и заперта цѣпью на замкѣ. Запасшись фонаремъ, лопатами и ломомъ, они отправились на осмотръ открывшагося прохода. Скоро имъ пришлось съ опасностью пробираться въ полумракѣ, между рыхлыми отъ сырости и нависшими каменными сводами подводной галлереи. Стѣны галлереи были покрыты густой массой блѣдно-зеленой плѣсени, въ которую уходили руки, не встрѣчая ничего твердаго для опоры. Воздухъ становился удушливымъ, надъ головами стоялъ гулъ

отъ перекатывавшихся волнъ. Кругомъ раздавалось шлепанье отвратительныхъ гадинъ. Все это угнетало мозгъ до того, что терялось соображеніе, а вязнувшія въ грязной тинѣ ноги отказывались служить. Наконецъ, отъ спертости атмосферы погасъ огонь въ фонарѣ, и спички не загорались... Чуть не ползкомъ выбрались изслѣдователи изъ переходовъ подземелья, въ которомъ пробыли около часа.

Приблизительно въ это же время разсказывалъ мѣстный житель Ананьевъ, что онъ еще въ дѣтствѣ сопровождалъ своего отца въ подобной же попыткѣ найти тайники крѣпости. Они тоже проникли въ подземный ходъ и шли по нему нѣкоторое время, пока уперлись въ желѣзныя ворота, запертыя на замокъ. Ходъ этотъ шириною менѣе сажени, вышиной болѣе человѣческаго роста, стѣны и сводъ плиточные. Летучія мыши, вспугнутыя путешественниками, метались подъ сводами, задѣвая идущихъ крыльями по лицу. Ничего болѣе интереснаго не нашли и эти изыскатели, но про этотъ ходъ говорили въ Ладогѣ, что онъ тянется на восемь верстъ подъ Волховомъ.

Трудно прослѣдить, гдѣ правда и вымыселъ въ этихъ разсказахъ. Впослѣдствіи раскопки крѣпости, произведенныя извѣстнымъ археологомъ Брандербургомъ, опровергли большую часть этихъ легендъ, но нѣкоторыя такъ и остались не объясненными.

Вѣроятно, основаніемъ многихъ изъ такихъ легендъ служила давно уже исчезнувшая башня. Какъ видно изъ старыхъ документовъ, башня эта стояла въ серединѣ стѣны, выходящей на Волховъ. Въ описныхъ книгахъ отъ 1628 года она называется «Тайничнымъ роскатомъ», а въ такой же книгѣ отъ 1655 года «Тайничной башней». «Башня Тайничная каменная,—пишется въ описи 1655 года,—отъ подошвы

вверхъ 4 сажени, въ длину 5 саженъ съ полусаженью, толщина 2 сажени. И та башня стоитъ безъ кровли и вся до подошвы отъ каменной стѣны от-

Рис. 4. Внутренняя проѣздная арка Воротной башни въ 1809 г.

сѣла больше сажени и отвисла. И только тое башни вскорѣ не разобрать и вновь не устроить, и та Тайничная башня вскорѣ вся безъ остатку до подошвы развалится въ рѣку Волховъ и колодезь въ той башнѣ обрушится и вода каменнымъ и известковымъ

пескомъ засыпется. А колодезь въ той башнѣ съ водой, а вода въ тотъ тайникъ и въ колодезь проведена была трубами изъ рѣки Волхова и тѣ трубы не почищены и нынѣ засыпаны и воды въ томъ тайничномъ колодцѣ нѣтъ. А опричъ того тайника воды въ каменномъ городищѣ нѣтъ».

Очевидно, послѣ этой описи Тайничная башня разрушалась все болѣе и болѣе и дѣйствительно обвалилась, въ концѣ концовъ, въ Волховъ. Мѣсто ея обозначено широкой выемкой, заросшей травой и бурьяномъ.

Въ документахъ есть названія всѣхъ другихъ башенъ, остатки которыхъ сохранились до сихъ поръ. Башня при впаденіи Ладожки въ Волховъ называлась Стрѣлочной, при входѣ въ крѣпость—Воротной, а выходившая къ земляному городищу — Климентовской. Послѣдняя, вѣроятно, получила свое названіе отъ Климентовской церкви, которая стояла когда-то въ земляномъ городѣ.

Въ настоящее время внутри крѣпости помѣщается старое очень запущенное и неряшливое кладбище, двѣ небольшія старинныя церкви и деревянная сторожка. Густыя заросли бурьяна и крапивы скрываютъ каменныя или чугунныя, почти ушедшія въ землю плиты, развалившіеся кресты и старинные памятники.

Сохранились кое-какія глухія преданія о томъ, что княженіе Рюрика не было мирнымъ. Были недовольные, которые жаловались на поведеніе его самого и его родичей. Въ Новгородѣ было возстаніе подъ предводительствомъ Вадима Храбраго, который былъ убитъ Рюрикомъ вмѣстѣ со многими другими новгородцами. Смуты были съ самаго начала и въ Ладогѣ. Ладожане хотѣли будто бы прогнать Рюрика, и нов-

городцы пришли къ нимъ на помощь. Произошло кровопролитное сраженіе, и Рюрикъ разбилъ славянъ. Мѣстное преданіе указываетъ, гдѣ произошло роковое сраженіе. За Никольскимъ монастыремъ, на берегу Волхова, находится большая возвышенная площадка, а внизу, сбоку, какъ бы въ ущельѣ, про-

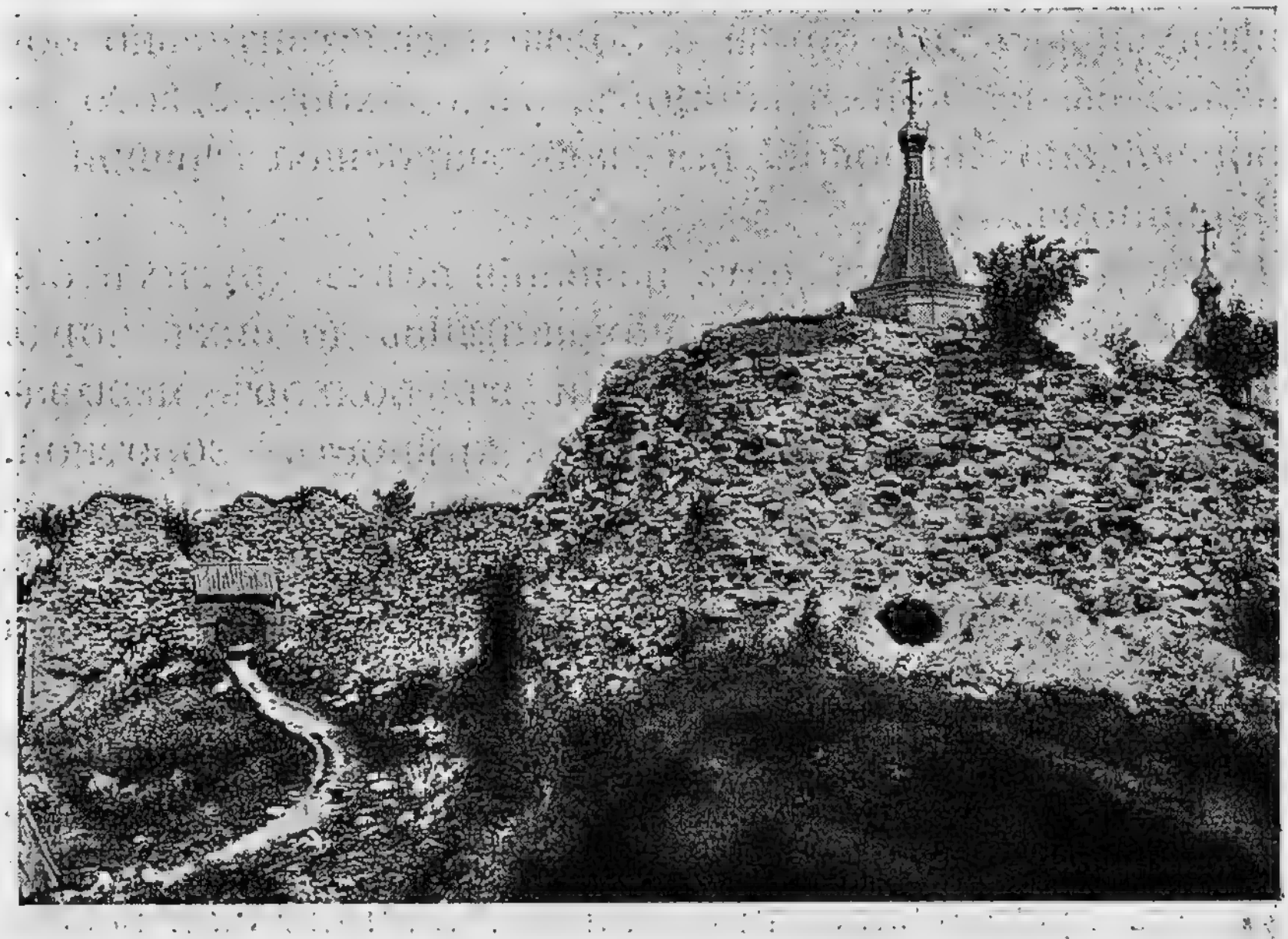

Рис. 5. Видъ Климентовской башни.

текаетъ ручей. Площадка называется «Побѣдище», а ручей «Кровавымъ». Здѣсь произошло, по преданію, сраженіе Рюрика съ новгородцами и взбунтовавшимися ладожанами.

Но по другому преданію здѣсь была одержана побѣда Александромъ Невскимъ надъ шведами въ XIII столѣтіи.

За крѣпостной стѣной, отъ Климентовской башни идетъ до самаго Волхова длинная узкая балка. Она

отдѣляетъ крѣпость отъ такъ называемаго земляного городища. Теперь мѣсто городища занимаетъ большая зеленая, обрывистая къ Волхову, возвышенность съ домиками и огородами причта Георгіевской церкви. По переписнымъ книгамъ XV вѣка здѣсь стояла церковь св. Климента и находился дворъ намѣстника и тіуна—«намѣстничъ да дворъ тіунъ». А по переписнымъ книгамъ XVII столѣтія здѣсь значится вторая крѣпость Ладоги, срубленная изъ дерева. Она окружала городище деревянными стѣнами съ тремя башнями—Воротной, Наугольной и Бережной. Внутри этой крѣпости находились въ то время разныя административныя учрежденія. Въ книгѣ перечислены: церковь Климента каменная, церковь Спаса деревянная, дворъ воеводы и зелейная казна (пороховой погребъ).

ГЛАВА III.

Христіанство.—Церкви, монастыри и ихъ легенды.

Русь была крещена въ 988 году при князѣ Владимірѣ. Послѣ крещенія кіевскаго народа, первый русскій митрополитъ Михаилъ съ епископами, присланными изъ Царяграда, и съ Добрыней, дядей Владиміра, отправился просвѣщать русскихъ язычниковъ по великому водному пути на сѣверъ. Построивъ церковь въ Новгородѣ и крестивъ тамъ многихъ людей, Михаилъ поѣхалъ по всей Новгородской области для насажденія христіанства. Въ Новгородѣ окончательно сокрушено было язычество силой при другомъ уже митрополитѣ, послѣ смерти Михаила.

Конечно въ глухихъ мѣстахъ Новгородскаго края, какъ и по всей Русской землѣ, долго еще сохраня-

лось язычество со всѣми его обрядами. По нѣкоторымъ письменнымъ источникамъ извѣстно, что борьба съ язычествомъ продолжалась во всѣ послѣдующіе вѣка, доходя до XVI вѣка.

Среди густыхъ лѣсовъ и мало проходимыхъ болотъ, подъ старыми развѣсистыми деревьями, ставили упорные язычники своихъ идоловъ. Усердные иноки разыскивали эти ставки или капища, свергали идоловъ и строили на мѣстѣ ихъ первые христіанскіе храмы.

Изъ преданій о мѣстныхъ скитахъ извѣстно, что они основывались часто бывшими разбойниками или буйными ушкуйниками. Скитается въ дремучемъ лѣсу разбойникъ, или подплываетъ къ берегу ушкуйникъ съ награбленнымъ добромъ и натыкается вдругъ на какую-нибудь пещеру въ скалѣ или среди лѣса. Тамъ находитъ онъ смиреннаго отшельника, который молится и спасаетъ душу, уйдя отъ мірскихъ соблазновъ. И поражается невиданнымъ зрѣлищемъ разбойникъ. Какія-то невѣдомыя чувства появляются въ его огрубѣвшей душѣ, какія-то новыя мысли начинаютъ шевелиться въ его мозгу... И дѣлается ему не въ моготу продолжать прежнюю жизнь душегубства. Онъ остается здѣсь, поселяется въ сосѣдней пещерѣ, инокъ просвѣщаетъ его свѣтомъ евангельской истины и обращаетъ въ христіанство. Награбленныя и спрятанныя въ разныхъ мѣстахъ сокровища собираются и идутъ на постройку церкви. Приходятъ другіе уставшіе отъ мірской жизни люди, селятся кругомъ церкви, и такъ образуется скитъ или монастырь.

Такъ какъ Ладога стояла на торговомъ пути и видала много заѣзжихъ людей, то въ ней не могло долго держаться язычество. Вѣроятно на мѣстѣ ея капищъ скоро послѣ проникновенія къ славянамъ

христіанства стали основываться маленькія деревянныя церковки, которыя разрушались пожарами или вражескими набѣгами и не оставляли послѣ себя слѣда.

Первая церковь, о которой мы встрѣчаемъ извѣстія въ лѣтописяхъ, была церковь во имя св. Климента въ земляномъ городищѣ, выстроенная въ 1153 году новгородскимъ архіепископомъ Нифонтомъ. По словамъ лѣтописи: «иде боголюбивый епископъ Нифонтъ въ Ладогу и заложи церковь камяну св. Климента». Въ переписной книгѣ Ладоги за 1646 г. упоминается о деревянной клетцкѣ при церкви: «Да въ земляномъ городищѣ церковь деревянная клетцка во имя Климонта папы римскаго, образа и книги, и ризы и колоколы, строенье приходское». Объ этой же церкви свидѣтельствуетъ старопечатная минея, хранящаяся въ церкви св. Василія Кесарійскаго на противоположномъ берегу Волхова. Въ минеѣ находится такая надпись: «7201 положилъ сію книгу глаголемую минію мѣсяцъ априлъ въ церковь священномученика Климента, что въ Ладогѣ въ земляномъ городѣ по своей вѣрѣ, по себѣ и по своихъ родителяхъ Ладожанинъ посадцкой человѣкъ Максимъ Андреевъ сынъ Торопчаниновъ».

При основаніи Новой Ладоги церковь св. Климента была перенесена Петромъ Великимъ туда. Здѣшняя церковь была заброшена и мало-по-малу разрушилась. О перенесеніи церкви въ Новую Ладогу мы читаемъ слѣдующее въ челобитной новгородскому митрополиту Іову отъ священника Афанасія Васильева: «Въ прошломъ 1703 году по твоему архіерейскому указу и грамотѣ соборная церковь священномученика Климента перевезена въ Новую Ладогу и поставлена, и мы богомольцы твои перевезлися и жи-

вемъ домишками и окладного жалованья намъ не положено, въ Старой Ладоги у нашей церкви были въ приходѣ, и тѣ нынѣ приходятъ въ Новыя Ладоги въ Николаевской Медвѣдской монастырь». Теперь на небольшомъ холмѣ, образовавшемся надъ развалинами церкви, стоитъ только ветхая деревянная часовенка надъ массивнымъ деревяннымъ крестомъ, потемнѣвшимъ отъ времени. Прежде здѣсь стоялъ другой крестъ, который хранится теперь въ церкви св. Дмитрія Солунскаго внутри каменнаго городища. На томъ крестѣ вырѣзана слѣдующая надпись: «Поставленъ сей животворящій крестъ Господень на церковномъ мѣстѣ священномученика Климента папы римскаго, по обѣщанію Григорія Федорова сына Куснищева, лѣта 1728 іюня 24 день».

Много такихъ деревянныхъ крестовъ, грубыхъ, массивныхъ, потемнѣвшихъ и растрескавшихся, съ полуистертыми надписями, стоитъ въ Ладогѣ и ея окрестностяхъ. Говорятъ, почти всѣ они поставлены на мѣстахъ старыхъ разрушенныхъ церквей.

Изъ церквей, существующихъ въ Ладогѣ въ настоящее время, самой древней считается церковь св. Георгія въ стѣнахъ Рюриковой крѣпости. Точное время ея основанія неизвѣстно, но существуетъ преданіе, что она была построена на мѣстѣ прежняго языческаго капища. Предполагаютъ также, что она была основана въ XI вѣкѣ Ярославомъ Мудрымъ, во время княженія его въ Новгородѣ. По словамъ лѣтописи, отецъ Ярослава, Владиміръ, распахалъ землю и умягчилъ ее, т.-е. просвѣтилъ крещеніемъ; Ярославъ же насѣялъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы, прибавляетъ лѣтописецъ, пожинаемъ, принимая книжное ученіе. При книгахъ нужны были особенно церкви и грамотные священники, которые

могли бы учить неграмотный народъ. Ярославъ строилъ церкви по городамъ и мѣстамъ неогороженнымъ; ставилъ въ нихъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе изъ собственнаго имущества, приказывая имъ учить людей. При Ярославѣ въ Новгородѣ было сдѣлано то же, что при Владимірѣ въ Кіевѣ: князь велѣлъ собрать у старостъ и священниковъ дѣтей и учить ихъ книгамъ. Весьма вѣроятно, что этотъ благочестивый князь, бывая, во время своего княженія въ Новгородѣ, въ Ладогѣ, построилъ тамъ церковь. На это указываетъ еще и то, что церковь выстроена во имя св. Георгія: Георгіемъ же Ярославъ былъ названъ при крещеніи. Другіе относятъ построеніе церкви ко времени построенія каменнаго городища, т.-е. къ XII вѣку. Во всякомъ случаѣ древность церкви подтверждается ея архитектурой и стѣнной живописью—фресками. Такими фресками украшали русскіе храмы греческіе мастера, пріѣзжавшіе въ Россію въ первые вѣка послѣ возникновенія въ ней христіанства. Во многихъ мѣстахъ лѣтописей и мѣстныхъ писцовыхъ книгъ встрѣчаются затѣмъ извѣстія о разныхъ измѣненіяхъ, черезъ которыя проходила церковь св. Георгія.

Въ 1446 году, по словамъ лѣтописи, архіепископъ Евфимій «заложи монастырь св. Георгія въ городкѣ Ладогѣ и церковь св. Георгія понови и подписа, идѣже отпало и покры ю чешуею и бысть крестьянамъ прибѣжище». Послѣ этого церковь упоминается въ историческихъ запискахъ, какъ Георгіевскій Застѣнный монастырь. Въ смутную эпоху онъ былъ совершенно разоренъ и только послѣ Столбовскаго договора съ шведами, въ 1618 году, былъ вновь освященъ игуменомъ Ѳеокритомъ. Въ церковной грамотѣ, хранящейся въ алтарѣ, пишется объ этомъ слѣдующее:

«Водруженъ сей крестъ въ храмѣ великомученика Христова Георгія въ лѣто отъ сотворенія міра 7126, а отъ Рождества Христова въ 1618, ноября 2 день на память св. мучениковъ Анкидина и Пигасія и иже съ ними; при державѣ царства при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ всея Руси; при паствѣ великаго господина Исидора Великаго Новгорода и Великихъ Лукъ, а святилъ Николая Чудотворца Медвѣдскаго монастыря игуменъ Ѳеокритъ».

Черезъ 300 лѣтъ послѣ основанія Застѣнный монастырь былъ упраздненъ, и Георгіевская церковь стала числиться снова приходской. Въ 1837 г. указомъ духовной консисторіи она была приписана къ Успенскому женскому монастырю въ Ладогѣ, но въ 1839 г. прихожане снова выхлопотали независимое положеніе древнему храму. Много разъ церковь приходила въ обветшалое состояніе и снова подновлялась.

При всѣхъ такихъ перемѣнахъ, разрушеніяхъ и перестройкахъ исчезала мало-по-малу древняя стѣнная живопись храма и измѣнялась отчасти его архитектура.

Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія новгородскій митрополитъ Гавріилъ, проѣздомъ въ Петербургъ, осматривалъ Рюрикову крѣпость. Надѣясь найти какія-нибудь надписи о времени построенія храма, онъ приказалъ отбить штукатурку въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Подъ первымъ отбитымъ слоемъ нашли второй, расписанный красками, подъ этимъ третій, на которомъ увидали сохранившіяся еще фрески. Обнаружили также и надписи, но важнаго въ нихъ ничего не нашли. Къ сожалѣнію, отбивали штукатурку неосторожно и неумѣло, обнажали то одинъ слой,

то другой, при чемъ оба портили. При болѣе тщательной и умѣлой работѣ въ то время могли еще обнаружить и, можетъ быть, сохранить полный образецъ стѣнной живописи XII столѣтія.

Очевидно часть обнаруженныхъ фресокъ не удовлетворяла вкусу духовенства начала XIX столѣтія, потому они постарались уничтожить ихъ при ремонтѣ церкви. Только случайно удалось сохранить немногія фрески, существующія до сихъ поръ. Каменщики, работавшіе въ церкви, разсказывали потомъ, что имъ страшно было рубить топорами лики святыхъ, но они не смѣли ослушаться приказаній батюшки и распорядителей.

Изъ сохранившихся до сихъ поръ фресокъ интересны слѣдующія. Въ куполѣ—Спаситель на тронѣ въ видѣ блестящей радуги, въ кругѣ, означающемъ небесныя сферы, съ благословляющей десницей, со свиткомъ въ шуйцѣ. Кругъ поддерживаютъ восемь ангеловъ въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, ниже помѣщены 12 апостоловъ, а среди нихъ Богоматерь съ воздѣтыми руками, среди двухъ ангеловъ. Въ барабанѣ купола, между окнами, изображены пророки, среди которыхъ выдѣляются Давидъ въ видѣ старца и Соломонъ въ видѣ молодого человѣка, въ діадемахъ и одеждахъ византійскихъ императоровъ, со свитками и благословляющими десницами. Въ алтарѣ сохранилась небольшая часть изображенія Тайной вечери. Въ діаконникѣ изображенъ патронъ церкви св. Георгій на бѣломъ конѣ, въ кольчугѣ и въ красномъ развѣвающемся плащѣ, со щитомъ въ лѣвой рукѣ и копьемъ въ правой. Внизу, подъ конемъ, драконъ готовится поглотить царевну; въ сторонѣ дворецъ, изъ окна котораго смотрятъ царь съ царицей и придворные. Затѣмъ сохранились изображенія ар-

хангеловъ Михаила и Гавріила, Іоакима и Анны съ барашками для очистительной жертвы, великомученицы Маріи и св. Николая. На западной сторонѣ со-

Рис. 6. Изображеніе Св. Георгія Побѣдоносца, сохранившееся въ церкви Св. Георгія въ Старой Ладогѣ.

хранилось изображеніе страшнаго суда, напоминающее по расположенію фигуръ и по замыслу извѣстныя лубочныя картины такого содержанія.

Къ концу прошлаго столѣтія церковь св. Георгія снова пришла въ страшную ветхость. Вся штукатурка снаружи растрескалась и мѣстами отвалилась, крыша, рамы и полъ мѣстами совершенно сгнили. Въ церковь попадала вода во время дождей и снѣга. Стеколъ во многихъ рамахъ не было, такъ что от-

Рис. 7. Древнее изображеніе очистительной жертвы Іоакима и Анны, сохранившееся на сѣверной стѣнѣ жертвенника въ церкви Св. Георгія въ Старой Ладогѣ.

верстія затыкались древними холщевыми ризами, служившими духовенству, можетъ быть, въ XII—XIII вѣкахъ. Фрески были покрыты слоемъ копоти и пыли. Въ 1902 году, послѣ поданнаго Государю прошенія, были получены средства, храмъ былъ ремонтированъ и снова освященъ въ іюлѣ 1904 года.

Рядомъ съ церковью св. Георгія здѣсь же, среди старыхъ могилъ, въ стѣнахъ крѣпости, стоитъ ма-

ленькая деревянная церковь св. Димитрія Солунскаго, тоже старинной архитектуры. Вѣроятно, прежде она предназначалась для зимней службы—«клетцы», какъ называли на сѣверѣ теплыя церкви. Можно предполагать, что эта церковь не такая древняя, какъ вышеописанныя церкви св. Георгія и св. Климента, такъ какъ въ переписной книгѣ 1500 года она совсѣмъ не упоминается. Первыя свѣдѣнія о ней встрѣчаются только въ переписной книгѣ 1646 года наряду съ свѣдѣніями о Георгіевской церкви. По указу Синода отъ 11 декабря 1730 г. предписано «ветхую церковь разобрать, крѣпкій лѣсъ употребить на новую, а негодный сжечь при рѣкѣ и пепелъ, завязавъ въ удобный холстъ, опустить въ рѣку». Въ 1731 году она была перестроена и освящена, какъ видно изъ указа синода, и такъ просуществовала до 1901 года. Въ церковныхъ книгахъ 1854 года Дмитріевскій храмъ показанъ очень ветхимъ, затѣмъ въ 1896 году онъ находился уже въ полномъ разрушеніи и около пятидесяти лѣтъ въ немъ не служили. Лѣтомъ 1901 года храмъ былъ возобновленъ на частныя средства, но древняя архитектура при этомъ, говорятъ, была измѣнена. Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ этой церкви царскія врата. По формѣ и живописи они относятся къ началу XVI вѣка новгородскаго письма. Очень миніатюрныя врата состоятъ изъ двухъ столбиковъ, двухъ половинокъ самыхъ вратъ и сѣней. На сѣняхъ изображенъ Спаситель, передающій ученикамъ таинство причащенія подъ обоими видами, съ одной стороны подъ видомъ хлѣба, съ другой подъ видомъ вина. Въ серединѣ сѣней изображеніе трехъ странниковъ, посѣтившихъ Авраама. Бывшія въ церкви древнія иконы XV, XVI и XVII вв. были взяты отсюда и находятся въ настоящее время въ музеѣ Александра III.

Въ церкви, въ особыхъ шкафахъ хранятся оловянные священные сосуды, разныя драгоцѣнныя украшенія изъ жемчуга и каменьевъ, пожертвованныя, вѣроятно, для украшенія иконъ русскими княгинями, и древнія холщевыя священническія одежды. Здѣсь же можно видѣть старинное евангеліе, пожертвованное сюда царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ 1680 году со слѣдующею надписью: «Лѣта 7188 Декабря 18, книга, глаголемая святое Христово евангеліе напрестольное, жалованье великаго государя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, въ городъ Ладогу, въ церковь страстотерпца Христова Георгія въ каменной оградѣ».

При выѣздѣ на большую дорогу изъ Старой Ладоги въ Новую, на высокомъ холмѣ Малышевѣ, надъ Волховомъ, стоитъ старинная церковь Іоанна Предтечи. Прежде здѣсь былъ тоже монастырь, основанный между годами 1276—99 новгородскимъ архіепископомъ Климентомъ. Одинъ изъ колоколовъ сохранился отъ царствованія Бориса Годунова. На немъ вырѣзана слѣдующая надпись: «Лѣта 7112 (1604) къ Вознесенію Господню и Рождеству Іоанна Предтечи на Малышеву гору въ Ладогу слито два колокола при господарѣ царѣ и великомъ князѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ всея Руси и его благовѣрной царицѣ великой княгинѣ Маріи и ихъ благовѣрны чадѣ и царевичѣ Ѳеодорѣ, царевнѣ Ксеніи и преосвященномъ митрополитѣ Исидорѣ Великаго Новгорода и при настоящемъ игуменіи Діонисіи».

Въ 1764 году монастырь Іоанна Предтечи былъ упраздненъ, а церковь была приписана къ монастырю Никольскому.

Подъ Малышевой горой раскинулся маленькій грязь-

ный поселокъ Поземъ. Неподалеку отъ этого поселка начинаются бѣлыя каменныя стѣны, съ круглыми башенками, женскаго Успенскаго монастыря. Когда онъ былъ основанъ—тоже неизвѣстно, такъ какъ всѣ документы его пропали во время разныхъ бѣдствій, которымъ онъ подвергался заодно съ Старой Ладогой. Они могли сгорѣть въ одинъ изъ пожаровъ или были похищены вмѣстѣ съ разнымъ добромъ монастыря во время разграбленій его врагами. Во всякомъ случаѣ въ XVI вѣкѣ онъ уже существовалъ, такъ какъ числится въ описной книгѣ отъ 1500 года.

Послѣ Столбовскаго договора монастырь находился въ полномъ разрушеніи и запустѣніи. Одна изъ монахинь, старица Акилина собрала нѣкоторыхъ изъ разбѣжавшихся сестеръ и приступила къ возобновленію Успенской обители. На просьбу ея о возстановленіи монастыря царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ грамотѣ 7129 г. (1621 г.) писалъ: «По челобитью Успенскаго монастыря строителя—старицы Акилины съ сестрами его царское величество, поелику де по разоренiи шведами Великаго Новгорода и съ прочими городами разорена и сiя обитель, а въ прошломъ де 7125 (1617 г.) Новгородъ съ пригороды отъ шведовъ обратно отданы—приказалъ, по просьбѣ означенной старицы, монастырь возобновить, сестеръ собрать, прежнiя вотчины и прочiя угодья отдать для содержанiя монахинь». Такимъ образомъ старицѣ Акилинѣ удалось возстановить разрушенный монастырь. Каменная церковь во имя Успенiя Пресвятой Богородицы, разграбленная и разрушенная шведами, была вновь отстроена и освящена въ 1617 году. Среди монахинь долго хранилось преданiе, что старица Акилина обходитъ ночной порой возстановленную ею обитель, въ мантiи и съ посохомъ въ рукѣ, и исчезаетъ въ стѣнѣ со-

борной церкви, гдѣ, подъ крайнимъ окномъ, предполагалась ея могила. Монахини особенно святой жизни, говоритъ преданіе, удостаивались этого видѣнія.

Изъ игумень монастыря, послѣ старицы Акилины, особенно чтится старица Евпраксія, умершая въ 1823 году. При жизни она часто уединялась для мол-

Рис. 8. Видъ прежней ограды Успенскаго монастыря съ часовней при ней.

чанія и молитвы въ такъ называемый Абрамовскій лѣсъ, въ трехъ съ половиной верстахъ отъ монастыря. Здѣсь, на небольшомъ пригоркѣ среди лѣса и окружающихъ его болотъ, подъ высокой сосной была выстроена по ея распоряженію маленькая деревянная часовня. У самой подошвы горы старица вырыла колодезь и поставила надъ нимъ большой деревянный крестъ. Однажды пронеслась надъ монастыремъ сильная буря и снесла съ церкви Успенія главу съ боль-

шимъ крестомъ, обшитымъ желѣзомъ. Епраксія снесла этотъ крестъ въ свою пустыню и воткнула его въ большой сукъ сосны надъ часовней, гдѣ находится онъ и понынѣ. Среди монахинь по этому поводу создалась легенда, что крестъ самъ перенесся въ Абрамовщину во время бури и самъ вонзился въ сосну.

Въ 1718 году въ Успенскій монастырь была заточена первая жена Петра Великаго, Евдокія Ѳеодоровна. Еще въ 1699 году царица Евдокія была пострижена въ монашество по приказанію царя въ Суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ подъ именемъ Елены. По дѣлу царевича Алексѣя Петровича и по участію въ заговорѣ противъ Петра, Евдокія Ѳеодоровна пріѣзжала въ Москву. Многіе изъ приверженцевъ опальной царицы были тогда казнены, а сама она была отправлена въ Староладожскій Успенскій монастырь. Подъ угрозою смертной казни было запрещено постороннимъ говорить съ нею. Чтобы предотвратить какія-либо сношенія царицы съ посторонними, по указу царя монастырь былъ окруженъ стоячимъ двойнымъ палисадомъ (каменной ограды тогда еще не было). Монастырскимъ прихожанамъ было запрещено ходить въ монастырскую церковь. Пріостановлено даже было постриженіе въ монашество лицъ, жившихъ въ монастырѣ.

Заключеніе Евдокіи Ѳеодоровны въ Успенскомъ монастырѣ продолжалось до кончины Петра Великаго. Послѣ его смерти, по указу императрицы Екатерины I, Евдокія Ѳеодоровна была перевезена въ Шлиссельбургскую крѣпость.

Среди немногихъ воспоминаній, сохранившихся въ монастырѣ о пребываніи въ немъ царицы, передаются воспоминанія о посѣщеніяхъ узницы Петромъ. Говорятъ, будто бы онъ неоднократно навѣщалъ ее

и заботился даже о томъ, чтобы ей были доставлены возможныя жизненныя удобства.

Конечно теперь не осталось ужъ и слѣдовъ отъ деревянной кельи царицы, но мѣсто ея долго охранялось двумя могучими липами, какъ говорятъ, ею посаженными. Никто не осмѣливался рубить «царскихъ липъ», и онѣ стояли около двухсотъ лѣтъ, пока старость не одолѣла ихъ. Онѣ начали качаться, скрипѣть и раскалываться посединѣ. Одна изъ нихъ свалилась сама, а другую срубили, боясь, что она убьетъ кого-нибудь при паденьи. Теперь отъ нихъ остались только широкіе круглые пни, почти сравнявшіеся съ землею.

На другомъ концѣ Ладоги, въ полуверстѣ отъ самаго селенія, на поднимающемся въ гору берегу Волхова, пестрѣютъ старыя каменныя церкви, окруженныя каменной же стѣной. Низенькія круглыя ворота въ стѣнѣ украшены старинной живописью. Это мужской монастырь во имя святителя Николая Чудотворца. Время основанія его также неизвѣстно, но о немъ упоминается въ житіи св. Николая Качанова, жившаго въ первой половинѣ XIV вѣка. Разсказываютъ преданіе объ одномъ пономарѣ этого монастыря, получившемъ исцѣленіе отъ святого, бывшаго здѣсь монахомъ. Кромѣ того говорятъ, что въ старинныя ворота этой стѣны въ 1612 году были внесены гробницы св. Сергія и Германа, привезенныя съ Валаамскаго острова при нашествіи шведскаго предводителя войсками Делагарди, и хранились здѣсь до времени Петра Великаго.

«На сорокъ верстъ тянулась прежде Ладога, и было въ ней сорокъ церквей», говорятъ мѣстные жители. Сорока церквей, вѣроятно, здѣсь никогда не было, но было ихъ во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ въ на-

стоящее время. Кое-гдѣ деревянные кресты обозначаютъ мѣста разрушенныхъ церквей, а кое-гдѣ только насыпи обращали вниманіе археологовъ. По раскопкѣ насыпей дѣйствительно обнаруживали развалины древнихъ церквей, которыя по разнымъ признакамъ тоже отнесили къ XI и XII вѣкамъ. Въ XV вѣкѣ Ладога дѣлилась такъ же, какъ и Новгородъ, на «концы». Въ описныхъ книгахъ такихъ концовъ указываютъ пять: Климентовскій, Никольскій, Спасскій, Богородицкій и Семеновскій. Названія, очевидно, стоятъ въ связи съ нѣкоторыми церквами и монастырями, находящимися въ этихъ концахъ или по сосѣдству съ ними. Въ разное время въ Ладогѣ — «въ городѣ» и на посадѣ насчитывалось пять монастырей и восемь церквей.

Были также въ Ладогѣ и католическіе храмы. Одинъ былъ построенъ нѣмецкими купцами еще въ 1060 году Вѣроятно, онъ помѣщался на Варяжской улицѣ, гдѣ жили варяги и былъ выстроенъ впослѣдствіи гостиный дворъ. Одна изъ улицъ до сихъ поръ сохранила это названіе.

ГЛАВА IV.

Управленіе.—Промыслы, торговля и лоцманство.—Составъ населенія.—Пребываніе голштинскаго посла Олеарія въ Ладогѣ въ XVI в.

Съ XII вѣка Ладога во всѣхъ лѣтописяхъ занимаетъ опредѣленное положеніе пригорода Новгорода Вотской пятины. Вся Новгородская область раздѣлялась на пять частей или пятинъ такъ же, какъ и самый городъ дѣлился на пять концовъ. Кругомъ Онежскаго озера до Бѣлаго моря лежала Обонежская пятина, кругомъ Ладожскаго озера до Финскаго залива—Вотская, по рѣкѣ Шелони—Шелонская, на юго-

востокъ отъ Новгорода — Деревская, а вдали, на востокъ, между рѣкой Мстой и притоками Волги — Бѣжецкая. Всѣ главные пригороды Новгорода находились на западѣ отъ него, съ той стороны, откуда его всего чаще безпокоили иноземные враги. Потому въ важнѣйшихъ пригородахъ были выстроены надежныя крѣпости или твердыни. Такая же твердыня, какъ мы уже знаемъ, была выстроена и въ Ладогѣ.

Первые русскіе князья, начиная съ Олега, считали стольнымъ городомъ своимъ Кіевъ. Въ немъ они и жили, назначая въ другіе крупные города своихъ намѣстниковъ, большею частью сыновей, братьевъ или другихъ родственниковъ. Ужъ послѣ смерти Владиміра Святого (1015 г.) начались раздоры между его сыновьями изъ-за стольнаго города. Ярополкъ, извѣстный подъ именемъ Окаяннаго, убилъ троихъ братьевъ. Ярославъ въ это время былъ въ Новгородѣ. Собравъ войско, онъ одолѣлъ Ярополка и сѣлъ въ Кіевѣ. Послѣ смерти послѣдняго брата Мстислава Черниговскаго, Ярославъ возстановилъ единовластіе въ Русской землѣ (1034 г.), которое окончательно уничтожилось послѣ его смерти въ 1054 году. Междоусобія между членами княжескаго рода все усиливались, и вся Русь была раздроблена на отдѣльныя волости съ постоянно враждующими между собой князьями. Послѣ смерти любимаго и уважаемаго князя Владиміра Мономаха распри изъ-за Кіева сдѣлались непрерывными, и Новгородъ воспользовался ими, чтобы возстановить свою самостоятельность. Онъ пересталъ принимать князя по назначенію изъ Кіева, а выбиралъ его на вѣчѣ и предлагалъ ему свои условія. При избранномъ князѣ назначался посадникъ изъ городской знати для руководительства и какъ бы присмотра за нимъ. При недовольствѣ кня-

земъ вѣче изгоняло его, такъ же было и съ владыкой или новгородскимъ архіепископомъ. Въ управленіи участвовали еще тіуны, состоявшіе при посадникахъ, тысяцкіе, сотскіе и десятскіе, старосты концовъ и старосты разныхъ промысловъ.

По этому образцу шло управленіе и въ пригородахъ, а слѣдовательно и въ Ладогѣ. Новгородъ присылалъ ей посадника съ тіуномъ, а изъ своихъ жителей ладожане ставили сотскихъ, десятскихъ и старостъ. Такъ какъ, по словамъ лѣтописи, были «вѣча по всѣмъ городамъ русскимъ», то надо полагать, что и въ Ладогѣ было свое вѣче для мѣстныхъ некрупныхъ дѣлъ. Но по всѣмъ дѣламъ, касавшимся общаго устройства, Ладога слѣдовала опредѣленію города старѣйшаго. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи говорится слѣдующее: «Новгородцы бо изначала и смолняне и кыяне и полочане и вси власти, якоже на думу на вѣче сходятся, на что старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ». Бывали случаи, что и Новгородъ не рѣшалъ важныхъ дѣлъ безъ совѣта съ пригородами, особенно, когда шелъ вопросъ объ изгнаніи или приглашеніи князя. Во время смутъ и ссоръ съ князьями жители пригородовъ сами приходили требовать себѣ посадниковъ. Въ мирное время князья заботились о пригородахъ, ставили туда посадниковъ и наблюдали за ихъ управленіемъ.

Подъ 1158 годомъ въ лѣтописи разсказывается, какъ новгородцы послали своего князя Святослава въ Ладогу, какъ въ мѣсто ссылки. Отецъ его Ростиславъ былъ въ ссорѣ съ сильнымъ въ то время суздальскимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. И онъ послалъ сказать новгородцамъ: «Будь вамъ вѣдомо, хочу искать Новгорода и добромъ и лихомъ». Услыхавъ грозное слово Андрея, новгородцы не знали,

что дѣлать. Начались смуты, и, въ концѣ концовъ, Святослава схватили и отправили въ Ладогу, приставивъ къ нему крѣпкую стражу. Но Святославу скоро удалось бѣжать въ Полоцкъ.

Въ 1254 году князь Ярославъ Тверской, желая привлечь на свою сторону новгородцевъ и попасть къ нимъ на княженіе, старался задобрить ладожанъ. Послѣ праздника Крещенія онъ пріѣхалъ съ боярами въ Ладогу и «ладожане почтиша и (его) достойной честью».

Въ 1327 году въ Ладогу пріѣзжали князья Константинъ и Василій Михайловичи, братья Александра Тверского. Оба они искали въ Ладогѣ пріюта отъ мести татаръ, разгромившихъ Тверь, такъ какъ въ это время только Новгородъ и «ублюде Богъ», говоритъ лѣтопись.

Новгородъ Великій въ XIV вѣкѣ былъ богатъ своей торговлей съ нѣмецкими городами. Онъ укрѣплялся наравнѣ съ городами сначала Владиміромъ и Галичемъ, а потомъ Москвой. Кіевъ же къ концу XIII вѣка дошелъ до полнаго паденія. Постоянныя междоусобія князей и борьба съ половцами и другими врагами совершенно разорили его. Городъ обѣднѣлъ и опустѣлъ, населеніе разбѣжалось въ разныя стороны. Въ XIII же вѣкѣ появился новый страшный врагъ—татары, которые разорили и поработили Русь. Въ эпоху татарскаго порабощенія Русь раздѣлилась на княжескіе удѣлы и снова собралась воедино только при усиленіи новаго княжества — Московскаго въ XIV вѣкѣ.

Стягивая Русь, московскіе князья болѣе всѣхъ боролись съ Новгородомъ за его самостоятельность. Новгородъ не уступалъ и искалъ себѣ союзника въ лицѣ князей Литовскаго княжества. Имѣя въ виду

поддержку этихъ князей въ борьбѣ съ Москвой, новгородцы отдавали имъ въ отчину свои пригороды. Отдавая, между прочимъ, Ладогу, они разсчитывали, что князья будутъ защищать свою отчину отъ шведовъ. Такъ было въ 1333 году, когда «вложи Богъ въ сердце князю литовскому Наримонту поклониться св. Софіи (въ Новгородѣ) мѣсяца октября и цѣловаша крестъ къ Великому Новуграду и даша ему Ладогу и Орѣховъ, и Карельскую землю и половину Копорья въ отчину и въ дѣдину и его дѣтямъ». Сыну Наримонта Патрикію были сначала даны другіе удѣлы; но когда въ 1384 году въ подвластныхъ ему отчинахъ вспыхнулъ бунтъ и «приѣхоша городцане орѣховцы и корельскыи съ жалобою Новугороду на Патрикія на князя; отъяша у князя тѣ городы и даша ему Руссу и Ладогу». По окончательномъ изгнаніи Патрикія, новгородцы вызвали изъ Литвы же третьяго князя Лувгенія Ольгердовича, который также получилъ Ладогу и Руссу около 1386 года. Затѣмъ дальше въ лѣтописи упоминается, что въ 1404 году Ладога была отдана новгородцами, въ числѣ другихъ 13 городовъ, смоленскому князю Юрію Святославовичу.

Каждый изъ этихъ временныхъ владѣтелей пользовался отъ своей отчины всѣмъ, чѣмъ только могъ, и иногда въ конецъ разорялъ жителей. Посадники и тіуны тоже были по обычаю на «кормленіи» города, въ которомъ ихъ ставили. Какъ пользовались этимъ кормленіемъ посадники и тіуны на Руси, можно видѣть изъ словъ въ обличеніи князя Даніиломъ Заточникомъ (XII вѣка): «не имѣй себѣ двора близь княжа двора, не держи себѣ села близь княжа села, потому что тіунъ его какъ огонь, а рядовичи его какъ искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися женія портъ».

Дружба съ литовскими князьями быстро подвинула къ концу эпоху величія и свободы господина Великаго Новгорода. Давно уже шли въ немъ смуты и безпорядки изъ-за утѣсненій людьми лучшими людей меньшихъ. Сильная и властная торговая знать нажимала на зависимую отъ нея бѣдноту и заставляла ее творить ея волю на вѣчѣ. Свободная новгородская чернь раздражалась все больше и больше отъ этой зависимости, и Новгородъ впалъ въ тяжелую непрерывную смуту. Эта смута и была первой и главной причиной паденія Новгорода. Вслѣдствіе внутренняго непорядка, пригороды и подвластныя земли выходили изъ повиновенія, и внѣшніе враги одолѣвали область. Исканіе поддержки у литовскихъ князей усилило раздраженіе черни, которая больше клонилась на сторону Москвы. Наконецъ, въ 1471 г. новгородскіе бояре, во главѣ съ семьей посадника Борецкаго, заключили союзъ съ великимъ княземъ литовскимъ и королемъ польскимъ Казиміромъ Ягайловичемъ. Великій князь московскій Иванъ III Васильевичъ взглянулъ на этотъ союзъ, какъ на измѣну не только князю, но и вѣрѣ и русскому народу. Никакія убѣжденія не дѣйствовали на новгородцевъ, и дѣло кончилось тѣмъ, что Московское княжество въ 1478 году завоевало Новгородъ и присоединило къ себѣ всѣ его земли. Отнынѣ князья московскіе благословляютъ своихъ преемниковъ вотчиной великимъ княженьемъ новгородскимъ со всѣми пятью пятинами, городомъ Ладогой и другими. Замолкъ вѣчевой колоколъ, отмѣнено было вѣче, исчезли и посадники.

Вмѣсто посадниковъ пригороды стали получать отъ князей намѣстниковъ, съ тѣми же тіунами, и ничего не выиграли, если еще не проиграли.

Въ дополненіи къ Судебному Указу 1556 года встрѣчается такая характеристика намѣстниковъ: «Намѣстники и волостели изо многихъ лѣтъ, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, много злокозненныхъ дѣлъ на нихъ учиниша и не быша имъ (городамъ и волостямъ) пастыри и учители, но сотворишась гонители и разорители».

Наконецъ, со второй половины XVI и все XVII столѣтіе въ Ладогѣ правили воеводы, поставленные отъ московскихъ царей. Воеводы вѣдали какъ государево (ратное) дѣло, такъ и земское. Вообще управленіе ихъ было весьма многосторонне: имъ подлежали дѣла иностранныя, военныя, помѣстныя, судебныя, полицейскія, финансовыя и даже нѣкоторыя духовныя. Въ наказѣ 1671 года, данномъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ ладожскому воеводѣ Желтухину, предписывалось: «Пріѣхавъ въ Ладогу, принять городскіе ключи, нарядъ (пушки), зелье (порохъ), разные пушечные и хлѣбные запасы, письменныя дѣла, денежную казну и списки военно-служилыхъ и прочихъ людей. По городу держать караулы и сторожи: оберегать, чтобы городу и всякимъ городовымъ крѣпостямъ и нарядамъ и зелейной и свинцовой казнѣ ни отъ кого порухи не было. Въ управныхъ дѣлахъ судить по челобитнымъ и сыски всякимъ сыскивать и по сыску управу дѣлать безволокитно. Пошлины съ судныхъ дѣлъ имать съ рубля по гривнѣ до пересуду и праваго десятка по 7 алтынъ 2 деньги съ суда, а спорныхъ судныхъ дѣлъ не вершить и отсылать для вершенія въ Новгородъ. О всякихъ государевыхъ дѣлахъ и о вѣстяхъ писать въ Новгородъ же, а мимо къ Москвѣ не писать, для того что Ладога Новгородскій пригородъ. Въ Ладогѣ жить неоплошно и во всемъ государеву дѣлу искать прибыли. Беречь накрѣпко,

чтобы въ Ладогѣ и на посадѣ и въ слободахъ и въ уѣздѣ воровства, корчемъ, зерни, табаку и всякаго непотребства не было, въ противномъ случаѣ воровство унимать, корчемное питье отбирать и сдавать въ кабакъ, а на корчемникахъ и на питухѣхъ имать заповѣди и чинить наказанье, отписывая о томъ въ Новгородъ. Беречь накрѣпко и учинить заказъ всѣмъ, чтобы лѣтомъ въ жаркіе дни избъ и мыленъ не топили и вечеромъ поздно съ огнемъ не сидѣли и не ходили, а для печенья хлѣбовъ и варки пищи подѣлать земляныя печи въ огородахъ и на удаленныхъ отъ хоромъ мѣстахъ. На случай пожара велѣть въ городѣ, на анбарахъ, въ рядахъ и по всѣмъ хоромамъ во дворахъ держать кади съ водою и вѣниками. Посадскимъ и всякимъ людямъ никакихъ обидъ и притѣсненій ради корысти не дѣлать; служилыхъ и посадскихъ и всякихъ жилецкихъ людей отъ проѣзжихъ, отъ всякихъ людей оберегать, чтобы обидъ и продажъ и никакихъ налогъ ни отъ кого не было; проѣзжихъ и всякихъ въ Ладогѣ не задерживать».

Мѣсто воеводы считалось почетнымъ и выгоднымъ. Вотъ какъ пишетъ объ этой должности извѣстный историкъ Соловьевъ: «Бояре, окольничіе, думные дворяне и дьяки засѣли по Приказамъ; но много еще остается служилыхъ людей не такъ знатныхъ, которымъ нѣтъ мѣста въ Приказахъ, а *покормиться* надобно; бьютъ челомъ въ воеводы покормиться—челобитная исполнена. Радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство—и честь большая, и кормъ сытный. Радуется жена: ей тоже будутъ приносы; радуются дѣти и племянники: послѣ батюшки и матушки, дядюшки и тетушки земскій староста на праздникахъ зайдетъ и къ нимъ съ поклономъ; радуется вся дворня, ключники, подклѣтные, будутъ сыты.

Прыгаютъ малыя ребята—и ихъ не забудутъ. Все поднимается, ѣдетъ на вѣрную добычу».

Всѣ ѣдутъ на вѣрную добычу и получатъ ее, и всѣмъ будетъ хорошо; только мѣстный житель почесываетъ затылокъ, потому что знаетъ, что будутъ обдирать его, какъ липку. Конечно, воеводы въ Ладогѣ не были исключеніемъ. На притѣсненія и вымогательства указываетъ, напримѣръ, грамота изъ Приказа Большого Дворца воеводѣ Неплюеву (1687 г.): «Нынѣ ты для своей бездѣльной корысти и многихъ взятковъ, того Ивановскаго монастыря въ вотчину посылаешь стрѣльцовъ и пушкарей, и крестьянъ и бобылей волочишь и убыточишь напрасно и отъ того твоего разоренія крестьяне и бобыли бредутъ врознь». Даже въ самыхъ наказахъ ладожскихъ воеводъ предупреждаютъ: «Ладожскимъ служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людямъ, для своей корысти обидъ и иныхъ никакихъ налогъ не дѣлать и напрасно на нихъ не наметываться», подъ угрозой быть за то въ великой опалѣ.

Въ Ладогѣ, какъ и во всей Новгородской области, кромѣ нѣкоторыхъ южныхъ частей, никогда не процвѣтало земледѣліе. Мшистая, большею частью болотистая почва, всегда была мало плодородна и не могла прокормить населеніе. Кромѣ того, самое положеніе Ладоги вблизи рѣки и озера давало ей въ руки другіе, болѣе выгодные промыслы. Давали также свою долю добычи и близъ лежащіе обширные лѣса. Мѣха пушныхъ звѣрей, какъ куницъ, бобровъ, лисицъ и соболей, всегда были цѣннымъ товаромъ, также былъ большой спросъ на медъ и воскъ. Звѣроловство и «бортничество» издавна процвѣтало у всѣхъ жителей сѣверныхъ областей. Пчеловодство называлось въ прежнія времена бортничествомъ потому, что поль-

зовались обыкновенно медомъ дикихъ пчелъ, доставая его изъ «бортей»—дупелъ деревьевъ, естественныхъ или выдолбленныхъ искусственно. Что касается рыбы, то вообще ея водилось въ тогдашнихъ рѣкахъ и озерахъ множество. Напримѣръ, въ житіи св. Антонія Римлянина передается, что рыбаки по его совѣту «ввергоша мрежи своя въ Волховъ и извлекоша на брегъ множество великихъ рыбъ, едва не проторжеся мрежа». Въ лѣтописи подъ 1353 годомъ значится, что «новгородскіе людіе рыбы руками имаше у брега сколько кому надобѣ». А въ лѣтописи отъ 1270 года указывается прямо, что Ладога поставляла медъ и рыбу для стола княжескаго—«а въ Ладогу княже слати осетринника и медовара по грамотѣ отца своего».

Рыболовство и въ настоящее время, конечно, является однимъ изъ главныхъ промысловъ жителей побережья Волхова и Ладожскаго озера. Особенно много привозятъ оттуда сиговъ, и самыми вкусными считаются пойманные на порогахъ. Рыбаки бродятъ по порогамъ въ особыхъ кожанныхъ одеждахъ и ловятъ сиговъ небольшими сачками среди самой стремнины.

Изъ ремеслъ въ сѣверныхъ областяхъ особенно были въ ходу въ древности плотничество и гончарное ремесло. Сдѣланныя въ этихъ мѣстностяхъ лодки привозились на продажу въ Кіевъ. Но вообще ремесла, какъ добывающій родъ промышленности, развились, конечно, только со временемъ. Сначала, когда люди были еще на низкой степени развитія, дѣлалось все чрезвычайно просто, грубо и только для своего обихода. Безъ сомнѣнія, разныя грубыя ткани, для обыкновенной одежды, выдѣлывались дома такъ же, какъ и необходимая глиняная и деревянная

посуда. Опять-таки Ладога, благодаря своему положенію на торговомъ пути, вѣроятно раньше утратила этотъ грубый образъ жизни. Уже въ глубокой древности по великому торговому пути «изъ Варягъ въ Греки» въ Ладогу пріѣзжали всякіе иноземные люди и обмѣнивались съ ладожанами своими товарами. Весьма возможно, что, по положенію своему у Ладожскаго озера, Ладога была торговымъ пунктомъ раньше Новгорода. Въ курганахъ - могилахъ около Ладоги находили восточныя монеты отъ VI вѣка, слѣдовательно ладожане вели торговлю съ восточными народами уже въ это время. Затѣмъ начала развиваться торговля Новгорода съ нѣмецкими городами, и въ ней Ладога также принимала участіе. Въ XIII вѣкѣ въ ней такъ же, какъ и въ Новгородѣ, имѣется нѣмецкій гостиный дворъ и торговыя конторы. Ладога упоминается въ торговыхъ договорахъ этого времени. Такъ, напримѣръ, въ одномъ договорѣ Новгорода съ нѣмецкими купцами запрещается имъ застраивать улицу въ Ладогѣ: «отъ церкви Св. Николая до гостинаго двора по самой улицѣ не должно застраивать никакого мѣста». Изъ этого видно, что иностранные купцы даже жили въ Ладогѣ.

Въ XVI в. писцовыя ладожскія книги указываютъ на двѣ ежегодныя ярмарки—«въ Ладогѣ же на посадѣ анбары, а торгуютъ въ нихъ въ годъ по два праздника: на Успеніе Пречистой Богородицы, да на Рождество Пречистой Богородицы пріѣзжіе посадскіе люди».

Съ давнихъ поръ развивался въ Ладогѣ и еще одинъ видъ промышленныхъ занятій. Верстахъ въ десяти отъ нея начинаются на Волховѣ пороги, состоящіе изъ известковыхъ плитъ и простирающіеся на восемь съ половиной верстъ. Ладожане издревле

были хорошо знакомы съ этими порогами и умѣли провозить черезъ нихъ товары въ легкихъ лодкахъ. Мало-по-малу среди жителей образовался особый классъ искусныхъ и опытныхъ лоцмановъ, которые провозили обыкновенно иностранные и русскіе товары черезъ пороги. Въ тѣхъ же письменныхъ торговыхъ договорахъ XIII вѣка встрѣчаются, между прочимъ, постановленія, касающіяся порядка плаванія по торговому пути черезъ Неву, Ладожское озеро и Волховъ. Имѣются извѣстія, что лоцманы въ Ладогѣ были организованы въ особыя артели съ старостами во главѣ каждой.

Послѣ паденія Новгорода, значеніе его, какъ торговаго города, упало, что отразилось и на торговлѣ Ладоги. Открытіе пути въ Россію черезъ Бѣлое море и основаніе Архангельска въ XVI вѣкѣ еще болѣе сократило торговое движеніе по Волхову мимо Ладоги. Спросъ на лоцмановъ тоже понизился. Составъ населенія начинаетъ въ это время мѣняться, торговыхъ людей дѣлается меньше, Ладога начинаетъ терять свое значеніе и бѣднѣть. Къ этому присоединяются разныя бѣдствія и непомѣрные поборы властей, о которыхъ мы говорили.

Въ древности вообще все русское населеніе распадалось на свободныхъ и холоповъ. Сословія же начали образовываться только послѣ усиленія московскаго княжества. Свободные люди избирали любой родъ занятій, и, если дѣло имъ удавалось, они выдвигались впередъ и начинали называться людьми «лучшими» въ отличіе отъ неудачниковъ, людей «меньшихъ». Позднѣе начинаютъ выдѣляться княжескіе слуги—дружина или «княжіи мужи». Затѣмъ уже появляются бояре, купцы, житые люди, земцы (своеземцы) и собственно черные люди, т.е. смерды и холопы.

Въ переписныхъ Ладожскихъ книгахъ XVI и XVII вѣковъ мы видимъ посадскихъ тяглыхъ людей, т. е. имѣющихъ въ городѣ недвижимое имущество и платящихъ всѣ городскія подати, затѣмъ купцовъ, бояръ, смердовъ—поземщиковъ, проживающихъ на чужихъ земляхъ, и, кромѣ того, ямщиковъ, стрѣльцовъ, пушкарей и казаковъ. Всѣ они образовывали особыя слободы на окраинахъ города. Часть этихъ слободъ со временемъ уничтожилась, а часть осталась и до сего времени въ видѣ окружающихъ Старую Ладогу ближайшихъ селеній. Вообще по писцовымъ книгамъ XVI вѣка видно, что къ волости ладожской принадлежалъ весь теперешній новоладожскій уѣздъ (см. рис. № 10, карта).

Стрѣльцы, пушкари и казаки составляли какъ бы особое военное сословіе. Но внѣ своихъ обязанностей, въ мирное время, они занимались ремеслами, торговлей въ лавкахъ, словомъ представляли промышленный классъ, работающій въ ущербъ мѣстному населенію. Посадскіе жители такъ жаловались царю въ 1652 году: «у насъ сиротъ твоихъ въ Ладогѣ анбаровъ и лавокъ въ ряду нѣтъ, а сидятъ въ Ладогѣ въ лавкахъ и анбарахъ по посадамъ и въ Стрѣлецкой слободѣ торгуютъ все стрѣльцы и казаки и пушкари, а мы сироты твои посадскіе людишки отъ того обнищали и одолжали великіе долги».

Вообще Ладога въ это время совсѣмъ ужъ обезсилѣла отъ войнъ и разныхъ бѣдствій.

Извѣстный голштинскій ученый Адамъ Олеарій, приглашенный въ Москву царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ 1632 году, подробно описалъ свое путешествіе «Въ Московію и черезъ Московію въ Персію». Проѣзжая черезъ Ладогу въ Новгородъ, онъ пишетъ о ней, какъ о незначительномъ «городкѣ», въ

которомъ онъ не нашелъ ничего примѣчательнаго, кромѣ обилія дѣтей.

«Городокъ Ладога. Послѣ обѣда мы отправились по рѣкѣ, которая привела насъ въ Ладогу, городокъ, расположенный въ 17 миляхъ отъ Лавы (рѣка). Сюда мы прибыли въ тотъ же вечеръ. На всемъ нашемъ

Рис. 9. Ладожская крѣпость въ половинѣ XVII вѣка (по Олеарію).

пути мы нигдѣ не видали большей толпы дѣтей лѣтъ отъ 4-хъ до 7-ми, какъ здѣсь, въ Ладогѣ. Когда нѣкоторые изъ насъ ходили гулять, эти дѣти толпами шли позади и кричали, не желаемъ ли мы купить красныя ягоды, которыя они звали «малина», которая въ большомъ количествѣ растетъ по всей Россіи. Они давали за копейку полную шляпу, и, когда мы расположились для ѣды на зеленомъ холмѣ, чело-

вѣкъ 50 стали кругомъ насъ. Всѣ, и дѣвочки и мальчики, были со стриженными волосами, съ локонами, свѣшивавшимися съ обѣихъ сторонъ, и въ длинныхъ рубахахъ, такъ что нельзя было отличить дѣвочку отъ мальчика. Здѣсь мы услыхали въ первый разъ русскую музыку. Когда мы сидѣли за столомъ, явились двое русскихъ съ лютней и скрипкой, чтобы позабавить господъ пословъ. Они пѣли и играли про великаго государя и царя Михаила Ѳеодоровича. Замѣтивъ, что намъ это понравилось, они сюда прибавили еще увеселеніе танцами, показывая разные способы танцевъ, употребительные, какъ у женщинъ, такъ и у мужчинъ. Вѣдь русскіе въ танцахъ не ведутъ другъ друга за руку, какъ это принято у нѣмцевъ, но каждый танцуетъ за себя и отдѣльно».

ГЛАВА V.

Бѣдствія Ладоги.—Участіе ладожанъ въ войнахъ новгородцевъ съ шведами, ливонскими нѣмцами и финскими племенами.—Участіе ладожанъ въ распряхъ новгородцевъ съ князьями.—Голодные года, моровыя повѣтрія, пожары.—Ладога въ XVI вѣкѣ, участіе ея въ войнахъ съ Швеціей при Іоаннѣ Грозномъ.

Какъ торговая гавань на великомъ пути изъ варягъ въ греки, Ладога издревле была лакомой добычей для морскихъ королей и вообще скандинавскихъ народовъ. Не разъ разорялась она ими и не разъ подпадала подъ ихъ владычество. По разсказамъ скандинавскихъ сагъ, уже въ X вѣкѣ, въ княженіе Владиміра Святого, норвежскій ярлъ (предводитель изъ знатныхъ людей) Эрикъ Гоканзонъ, производя разбои по восточнымъ берегамъ Балтійскаго моря, при-

шелъ съ сильнымъ флотомъ въ Волховъ къ Ладогѣ. Онъ взялъ городъ, сжегъ его, умертвилъ многихъ жителей и произвелъ сильныя опустошенія по всѣмъ окрестностямъ.

Находясь на пути въ Новгородскую область, Ладога подвергалась также всегда первая всѣмъ ударамъ, направляемымъ на область со стороны враждебныхъ племенъ, живущихъ на берегахъ Ладожскаго озера и и Балтійскаго моря. Вообще вся исторія Ладоги въ сущности тѣсно связана съ исторіей борьбы сѣверныхъ племенъ изъ-за пути къ морю. Можетъ быть самое основаніе ея у Ладожскаго озера было вызвано стремленіемъ приблизиться къ морю. Только послѣ долгой и упорной борьбы съ шведами удалось новгородцамъ захватить болѣе близкій пунктъ — истокъ Невы—и построить тамъ крѣпость Орѣшекъ. Обороняя себя и помогая новгородцамъ, въ качествѣ пригорода Новгорода, Ладога принимала участіе во всѣхъ столкновеніяхъ его со шведами и ливонцами. Также отзывались на ней войны Россіи съ Швеціей и при московскихъ князьяхъ вплоть до Петра I.

Послѣ, извѣстія о разореніи Ладоги Эрикомъ, въ тѣхъ же скандинавскихъ сагахъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, относящееся уже къ 1032 году, о томъ, что Улѣбъ (вѣроятно Ульфъ—сынъ Рангвальда, правителя и начальника пограничной стражи въ Ладогѣ) ходилъ на финскій поселокъ Желѣзныя Ворота и потерпѣлъ пораженіе.

Въ 1142 году финское племя ямь приходило съ береговъ Финскаго залива въ Новгородскую область, но было встрѣчено ладожанами и истреблено, такъ что ни одного человѣка не вернулось домой.

Въ XII вѣкѣ, когда Ладога занимала опредѣленное положеніе твердыни Великаго Новгорода, шведы,

послѣ долгаго перерыва, возобновили свои набѣги на Новгородскую область. Въ новгородской лѣтописи говорится, что въ 1164 году «придоша свье подъ Ладогу и поджегша ладожане хоромы своя, а сами затворишася во градѣ съ посадникомъ Нѣжатою». Шведы приступили къ крѣпости, но были отражены съ большимъ урономъ. На пятый день пришелъ князь Святославъ съ новгородцами и посадникомъ Захаріей, ударилъ на шведовъ и разбилъ ихъ. Изъ 55 шнекъ (судовъ) шведы потеряли 43, самихъ ихъ мало спаслось бѣгствомъ, да и то раненые.

Въ концѣ XII вѣка Новгородская область предпринимала нѣсколько походовъ на ямь, и ладожане принимали въ нихъ дѣятельное участіе. Въ 1188 году, говорится въ лѣтописи, ходили новгородскіе молодцы на ямь съ Вышатою Васильевичемъ и пришли домой поздорову, добывши полона. Въ 1191 ходили новгородцы вмѣстѣ съ карелой и ладогой на ямь, землю ея повоевали и пожгли и скотъ перебили. Карелы—тоже финское племя, когда-то вполнѣ самостоятельное и занимавшее всю нынѣшнюю Выборгскую губернію. Завоеванные норманнами, карелы переходили потомъ отъ шведовъ къ новгородцамъ и помогали то тѣмъ, то другимъ.

Въ 1227 году князь Ярославъ Всеволодовичъ пошелъ съ новгородцами на ямь, землю всю повоевали, полона привели безъ числа. Но въ слѣдующемъ году ямь захотѣла, наконецъ, отомстить за опустошеніе и набѣги. На многихъ судахъ пришли финны Ладожскимъ озеромъ и принялись, въ свою очередь, опустошать Новгородскую область. Новгородцы, услыхавъ о набѣгѣ, сѣли на суда и поплыли Волховомъ къ Ладогѣ. Но ладожане съ своимъ посадникомъ Владиславомъ не стали дожидаться ихъ, погнались

на лодкахъ за ямью, настигли и вступили въ битву, которая продолжалась до глубокой ночи. Ямь просила мира, но ладожане не согласились. Тогда финны, перебивъ всѣхъ плѣнниковъ, побросали лодки и побѣжали въ лѣсъ. Здѣсь большая часть ихъ была истреблена мѣстными жителями карелами.

Съ 1236 года въ Новгородѣ сталъ княжить Александръ Ярославовичъ, прозванный впослѣдствіи Невскимъ. Въ это время одинъ изъ шведскихъ вельможъ Биргеръ, побуждаемый посланіями папы, предпринялъ крестовый походъ противъ Руси. Какъ только пришла въ Новгородъ вѣсть, что шведы явились въ устьѣ Ижоры (притокъ Невы) и хотятъ итти на Ладогу, Александръ съ небольшой дружиной изъ новгородцевъ и ладожанъ выступилъ противъ непріятеля. Произошла битва около Ижоры въ 1240 году, 15 іюля; Александръ одержалъ побѣду и получилъ съ тѣхъ поръ прозванье Невскаго.

Въ слѣдующемъ, 1241 году, ладожане принимали участіе во второмъ походѣ Александра Невскаго. На этотъ разъ ливонскіе рыцари напали вмѣстѣ съ чудью на Вотскую пятину и завоевали ее. Наложивъ дань на жителей, нѣмцы намѣревались стать твердой ногой въ Новгородской области и построили крѣпость въ погостѣ Копорье. Александръ былъ въ это время въ ссорѣ съ новгородцами и только послѣ усиленныхъ просьбъ ихъ пріѣхалъ снова къ нимъ на выручку. Немедленно пошелъ онъ къ Копорью, взялъ крѣпость, гарнизонъ нѣмецкій привелъ въ Новгородъ, часть его отпустилъ на волю, только измѣнниковъ чудь и вожанъ перевѣшалъ.

Особенно памятно осталось новгородцамъ, псковичамъ и ладожанамъ кровопролитное сраженіе съ ливонскими рыцарями подъ Раковоромъ — нынѣ Ве-

зенбергомъ—на рѣкѣ Кеголѣ: «бысть страшно побоище, яко не видали ни отцы, ни дѣди». Въ 1268 году новгородцы пошли за Нарву къ Раковору. Опустошивъ окрестности, города они однако не взяли, а вернулись домой, потерявши семь человѣкъ. Черезъ нѣкоторое время они рѣшили съ посадникомъ своимъ Михаиломъ послать за княземъ Дмитріемъ Александровичемъ и предпринять серьезный походъ на нѣмцевъ. Великій князь Ярославъ тоже прислалъ имъ своихъ сыновей съ войсками. Новгородцы начали готовить стѣнобитныя орудія. Нѣмцы—рижане, феллинцы и юрьевцы—услыхавъ о приготовленіяхъ, прислали сказать, что въ войну вмѣшиваться не будутъ, и цѣловали крестъ на этомъ. Новгородцы послали къ ливонцамъ и заставили ихъ также присягнуть, что не будутъ помогать датчанамъ. Тѣ присягнули. Новгородцы выступили съ громадными силами, но, когда подступили къ рѣкѣ Кеголѣ, то увидали, что полки нѣмецкіе стояли, какъ лѣсъ дремучій. Собралась вся земля нѣмецкая, обманувъ новгородцевъ ложной клятвой. Русскіе не испугались и, въ концѣ концовъ, одержали побѣду, несмотря на страшныя потери. Нѣмцы выстроили свои полки желѣзной свиньей и врѣзались въ русскій обозъ—«мнози убо новгородци отъ желѣзныя свиньи избіени быша и мнози псковичи и ладожане». Нѣмцевъ преслѣдовали семь верстъ до самаго города Раковора, наконецъ ночью они скрылись. Новгородцы три дня простояли на костяхъ (на полѣ битвы), потомъ ушли, везя съ собой «избіенныхъ братій, честно отдавшихъ животъ свой».

Въ 1284 году новгородцы и ладожане, подъ предводительствомъ посадника Симеона, пошли къ устью Невы, гдѣ выждали возвращенія шведскаго воеводы

Трунды, который забрался въ Карелію для сбора дани. Напавъ неожиданно на шведовъ, новгородцы разбили ихъ. Съ этихъ поръ идетъ почти непрерывная борьба шведовъ съ новгородцами и ладожанами вплоть до 15-го вѣка. Въ XV вѣкѣ Новгородъ утратилъ свободу, и съ этихъ поръ войны съ Швеціей велись уже только по указамъ московскихъ царей.

Въ бытность свою пригородомъ Новгорода Ладога участвовала во всѣхъ ссорахъ его съ князьями, какъ и вообще во всѣхъ войнахъ.

Въ XII вѣкѣ сынъ любимаго новгородскаго князя Мстислава—Всеволодъ, несмотря на клятву не разлучаться съ новгородцами до смерти, ушелъ отъ нихъ въ Переяславль, не оставивъ имъ князя. Новгородцы обидѣлись и, когда Всеволодъ, прогнанный изъ Переяславля, вернулся къ нимъ, не хотѣли его принимать: «И бысть встань велика въ людехъ,—говоритъ лѣтопись,—и придоша псковичи и ладожаны Новугороду и выгониша князя Всеволода изъ Новгорода». Однако черезъ нѣкоторое время новгородцы сами призвали Всеволода и ходили съ Псковомъ и Ладогой на Ростовъ и Суздаль. Въ этомъ походѣ они потерпѣли тяжкія потери: «Иде Всеволодъ Мстиславовичъ на Суздаль и на Ростовъ съ новгородци и псковичи и ладожаны и всею областью новгородскою, и срѣтоша ихъ суждальцы и ростовцы на Жданѣ горѣ и бысть имъ брань крѣпка зѣло и одолѣша ростовци и избиша множество новгородецъ и убиша же ту посадника Иванка и иныхъ мужей добрыхъ много погибе».

Въ 1136 году новгородцы призвали псковичей и ладожанъ и снова начали думать, какъ бы выгнать Всеволода. Изъ-за этого князя въ Новгородѣ происходили сильныя и продолжительныя смуты, кончив-

шіяся только смертью Всеволода въ Псковѣ, принявшемъ, въ концѣ концовъ, его сторону.

Въ 1198 году ладожане ходили съ новгородской ратью на полочанъ, и походъ кончился миромъ. Въ 1207 году ладожане участвовали въ походѣ на Оку, брали вмѣстѣ съ новгородцами и другими русскими полками Пронскъ и Рязань и «были отпущены съ честью княземъ Всеволодомъ домой».

Вообще Ладогѣ, какъ мы видѣли, приходилось не мало страдать отъ частыхъ и разорительныхъ войнъ; но кромѣ этихъ бѣдствій претерпѣвала она еще бѣдствія, зависящія отъ внутреннихъ причинъ и опять-таки, большею частью, общія съ Новгородомъ. Новгородская область страдала по временамъ отъ сильнаго голода, такъ какъ ей никогда не хватало своего хлѣба, а, вслѣдствіе усобицъ, сосѣднія земли прекращали иногда подвозъ его. Такъ, въ лѣтописи подъ 1127 годомъ пишется, что снѣгъ лежалъ до Яковлева дня, а на осень морозъ побилъ хлѣбъ, и зимою былъ голодъ. Въ слѣдующемъ году былъ также голодъ: «люто было,—говоритъ лѣтописецъ:—ѣли люди листъ липовый, кору березовую, насѣкомыхъ, солому, мохъ, конину, падали мертвые отъ голода, трупы валялись по улицамъ, по торгу, по путямъ и всюду, наняли наемщиковъ возить мертвецовъ изъ города, отъ смрада нельзя было выйти изъ дому, печаль, бѣда на всѣхъ. Отцы и матери сажали дѣтей своихъ на лодки, отдавали даромъ купцамъ, одни перемерли, другіе разошлись по чужимъ землямъ». Въ 1215 году снова Новгородъ и Вотская пятина съ городомъ Ладогой страдали отъ страшнаго голода вслѣдствіе сильныхъ морозовъ и того, что князь Ярославъ остановилъ подвозъ хлѣба изъ Торжка. Почти все населеніе Ладоги вымерло или разбѣжалось. Въ 1230 го-

ду, по словамъ лѣтописца, голодъ свирѣпствовалъ по всей Россіи, кромѣ Кіева. Въ половинѣ сентября морозъ побилъ весь хлѣбъ въ Новгородской области. «Отсюда началось горе большое,—говоритъ лѣтописецъ,—разошелся весь городъ нашъ и вся волость, и наполнились чужіе города и страны братьями нашими и сестрами; оставшіеся начали мереть. Трупы лежали по улицамъ, младенцевъ грызли псы. Ѣли, мохъ, сосновую кору и липовую, листъ разный. Нѣкоторые изъ черни рѣзали живыхъ людей и ѣли другіе обрѣзывали мясо съ труповъ, иные ѣли лошадей, собакъ и кошекъ. Поставили двѣ скудельницы, наклали полныя труповъ—недоставало больше мѣста, по торгу валялись трупы, по улицамъ трупы, по полю трупы, собаки не успѣвали съѣдать ихъ. Большая часть населенія Вотской пятины и Ладоги померла съ голоду, остальная разбѣжалась по чужимъ странамъ».

Въ продолженіе двухсотъ лѣтъ такихъ голодовокъ насчитывается въ Россіи и, главнымъ образомъ, въ Новгородской области около двадцати. О Ладогѣ въ новгородской лѣтописи упоминается при описаніи двухъ выше указанныхъ, но нужно думать, что каждая изъ голодовокъ Новгородской области отзывалась въ большей или меньшей степени и на Ладогѣ.

Не мало опустошили также Ладогу и двѣ моровыхъ язвы, о которыхъ говорится въ лѣтописяхъ подъ 1352 годомъ и подъ 1417. Въ 1351 году начался моръ въ Псковѣ и пришелъ потомъ въ Новгородъ и во всю область и въ Ладогу—«харкнетъ человѣкъ кровью и на четвертый день умираетъ». Въ 1417 году снова былъ моръ съ кровохарканьемъ и желѣзою, опустошилъ Новгородъ, Ладогу, Руссу, Порховъ, Псковъ и другіе города.

Такъ какъ въ городахъ въ тѣ времена почти всѣ строенія были деревянныя, то пожары часто уничтожали чуть не весь городъ. Въ Ладогѣ такихъ опустошительныхъ пожаровъ насчитывается по лѣтописямъ пять. Въ 1194 году загорѣлось въ Новгородѣ въ недѣлю на Всѣхъ Святыхъ, пожары продолжались до Успеньева дня, въ томъ же году сгорѣли Ладога и Русса. Три раза горѣла Ладога отъ непріятельскихъ нашествій, и, наконецъ, послѣдній изъ крупныхъ пожаровъ испепелилъ ее въ самомъ концѣ существованія ея, какъ города,—въ ночь на 24 апрѣля 1702 года. Извѣстіе объ этомъ пожарѣ имѣется въ синодальныхъ записяхъ пострадавшаго въ это же время Успенскаго монастыря.

Въ XVI столѣтіи, въ царствованіе московскаго царя Іоанна Грознаго, шведы не разъ безпокоили Ладогу и ея окрестности. Вслѣдствіе столкновеній въ 1582 и въ 1583 годахъ не было закончено составленіе описныхъ книгъ уѣздовъ Новгородскаго, Орѣховскаго и Ладожскаго. «Писцы не дописали изъ-за войны нѣмецкихъ людей 13 погостовъ, какъ стояли подъ Орѣшкомъ и подъ Ладогою нѣмецкіе люди». Вѣроятно, на тѣ же разбойничьи набѣги въ областяхъ Заонежской, на Ладогу и по Двинѣ жаловались русскіе послы шведамъ во время съѣзда 1586 года на рѣкѣ Плюссѣ.

Въ концѣ царствованія Іоанна Грознаго Ладога опять видѣла подъ своими стѣнами исконнаго врага—шведовъ. Во время нашествія поляковъ, когда войска Стефана Баторія осадили Псковъ, шведы подъ предводительствомъ Понтуса Делагарди заняли Нарву, Ямбургъ и Копорье, побыли подъ Орѣшкомъ, а ихъ летучіе отряды достигли до Волхова и въ 1582 году опустошили ближайшія окрестности Ладоги. Тогда

былъ разоренъ Николо-Медвѣдевскій монастырь, находившійся при устьѣ Волхова. Въ 1592 году шведы были снова около Ладоги. Въ переписной книгѣ Софійской вотчины 1592 года читаемъ: «Въ нынѣшнемъ году; на Рождества Пречистой день, приходили на Сермаксу нѣмецкіе люди войной и церкви и крестьянскіе и бобыльскіе дворы пожгли». Сермакса въ XVI ст. была митрополичье дворцовое село, нынѣ селеніе на рѣкѣ Свири, въ 60 верстахъ отъ Ладоги.

ГЛАВА VI.

Смутное время на Руси.—Ладога семь лѣтъ въ рукахъ шведовъ.—Окончательное разореніе и запустѣніе.—Состояніе Ладоги въ 1699 году.

Всего болѣе пострадала Ладога въ началѣ XVII вѣка, при столкновеніи Россіи съ Швеціей въ такъ называемую смутную эпоху.

Сынъ Іоанна Грознаго, царь Ѳеодоръ, умеръ бездѣтнымъ, и на престолъ вступилъ его шуринъ Борисъ Годуновъ. Младшій сынъ Грознаго, царевичъ Дмитрій, жилъ съ матерью въ Угличѣ, гдѣ и умеръ въ семилѣтнемъ возрастѣ. Былъ ли онъ убитъ или зарѣзался въ припадкѣ падучей болѣзни, какъ показало слѣдствіе, въ точности неизвѣстно, но многіе приписывали его смерть царю Борису. Черезъ нѣсколько лѣтъ пошелъ слухъ въ народѣ, что царевичъ живъ, его удалось спрятать, а убили другого ребенка. Явился и самъ царевичъ въ лицѣ бѣглаго монаха Григорія Отрепьева, названнаго въ исторіи Лжедмитріемъ. Съ помощью поляковъ онъ собралъ войско и пошелъ на Москву. Царь Борисъ въ это

время внезапно умеръ въ 1605 году, а вступившій послѣ него на престолъ сынъ его Ѳеодоръ былъ вскорѣ убитъ. И поднялась на Руси великая смута. Вѣра въ Лжедмитрія усиливалась и распространялась, русскія войска передавались ему сами. Наконецъ, онъ занялъ Москву, гдѣ и царствовалъ одиннадцать мѣсяцевъ. Смута въ народѣ продолжалась и особенно поддерживалась неразумнымъ поведеніемъ поляковъ, которыми наводнилъ Москву Лжедмитрій. Толпу поджигали недовольные бояре, и въ концѣ концовъ Лжедмитрій былъ звѣрски убитъ. Въ 1606 году на царство былъ выбранъ Василій Шуйскій. Смута все не прекращалась. Появился второй самозванецъ, снова усиленно поддерживаемый поляками. Шведы въ это время были во враждѣ съ поляками, потому Шуйскій и обратился къ нимъ за помощью противъ Тушинскаго вора—второго Лжедмитрія—и поляковъ. Въ концѣ февраля 1609 года стольникъ Головинъ и дьякъ Сыдавный Зиновьевъ заключили съ повѣренными шведскаго короля Карла IX договоръ. По этому договору король обязывался отпустить на помощь Шуйскому 2000 конницы и 3000 пѣхоты. Кромѣ платы солдатамъ и всякихъ льготъ Швеціи, король выговаривалъ еще городъ Карелу (нынѣшній Кексгольмъ). Шведы выполнили свое обязательство и выслали, кромѣ пяти тысячъ наемниковъ, еще около десяти тысячъ всякаго разноплеменнаго сброда подъ начальствомъ Якова Делагарди. Съ прибытіемъ шведскихъ войскъ племянникъ царя, молодой Скопинъ-Шуйскій, началъ наступательныя дѣйствія противъ тушинцевъ — приверженцевъ второго самозванца, Тушинскаго вора—и поляковъ. Союзнымъ войскамъ удалось очистить нѣсколько городовъ, между ними Орѣшекъ. Воевода Орѣшка, бывшій приближенный Лжедмитрія,

Михаилъ Салтыковъ убѣжалъ въ Тушино. Иностранныя войска трудно было поддерживать въ повиновеніи, потому что платили имъ неаккуратно. Казна, между тѣмъ, опустѣла. Царь и Скопинъ собирали деньги по городамъ и монастырямъ съ великимъ трудомъ и при помощи обѣщаній разныхъ льготъ. Царь приказалъ, противъ желанія жителей, немедленно очистить Карелу и отдать ее шведамъ. Скопинъ продолжалъ одерживать побѣды, и польскій король Сигизмундъ началъ опасаться, что его надежды овладѣть Москвой не сбудутся. Между тѣмъ Скопинъ освободилъ Москву отъ тушинцевъ. Для борьбы съ поляками ему нужны были новыя вспомогательныя силы. За новыя, еще болѣе тяжкія обязательства, шведы прислали еще 4000 войска. Осиливъ и поляковъ, Скопинъ и Делагарди торжественно вошли въ Москву. Въѣздъ народнаго любимца, молодого героя Скопина въ Москву современные писатели сравнивали съ торжествомъ Давида, котораго израильтяне чтили больше, чѣмъ царя Саула. Но черезъ мѣсяцъ князя Скопина-Шуйскаго не стало. Командованіе войсками принялъ братъ царя и дядя Скопина, Дмитрій Шуйскій, не любимый народомъ и подозрѣваемый въ отравленіи племянника. Гетманъ Жолкевскій, во главѣ польскаго войска, разбилъ союзниковъ подъ начальствомъ Делагарди и Шуйскаго. Делагарди далъ слово Жолкевскому не быть больше въ союзѣ съ царемъ Василіемъ и отступилъ къ Новгороду.

17-го іюня 1610 года Шуйскій былъ низверженъ. Поляки съ Сигизмундомъ все больше и больше одерживали верхъ. Сильная и многочисленная русская партія соглашалась провозгласить царемъ сына Сигизмунда, Владислава. Съ этого времени шведы превращаются изъ союзниковъ во враговъ Московскаго госу-

дарства. Французъ Делавиль съ своимъ отрядомъ занимаетъ Ладогу, а Делагарди беретъ Кексгольмъ (Карелу) и направляется къ Новгороду.

Засѣвъ въ Ладожской крѣпости, Делавиль держался въ ней семь мѣсяцевъ, увѣряя новгородцевъ, что соблюдаетъ интересы русскаго царя (Шуйскаго), противъ котораго возстали его же подданные, и что будетъ защищать Ладогу отъ непріятеля, какъ вѣрный слуга Русскаго государства. Однако въ Новгородѣ рѣшили принять мѣры, чтобы выжить непрошеннаго защитника, и, еще до принятія присяги Владиславу, отправили въ Ладогу князя Мещерскаго съ войскомъ. Но экспедиція кончилась неудачей, такъ какъ войско отъ нужды и безкормицы разбрелось. Въ Новгородъ въ это время былъ посланъ сынъ Михаила Салтыкова, Иванъ. Въ своемъ донесеніи Сигизмунду Салтыковъ писалъ, что «посланъ былъ въ Ладогу до моего пріѣзду въ Новгородъ князь Иванъ Мещерскій съ ратными людьми, и ратные государь люди, которые были съ нимъ, отъ него съ бѣдности разошлись».

По прибытіи въ Новгородъ, Салтыковъ прислалъ сказать Делавилю, что у русскихъ новый царь Владиславъ, что Шуйскій низложенъ, и чтобы Делавиль освободилъ крѣпость, иначе его придутъ выгонять русскими и польскими пушками. Делавиль продолжалъ стоять на своемъ, что сражается за русскіе интересы противъ враговъ Россіи. Онъ самъ разсказывалъ потомъ въ своихъ запискахъ, что для изгнанія его было сдѣлано со стороны русскихъ нѣсколько попытокъ, окончившихся неудачей. Его хотѣли выжить голодомъ, лишивъ возможности добывать продовольствіе въ окрестностяхъ Ладоги. Верстахъ въ двухъ отъ крѣпости, за рѣкой, расположились русскіе лагеремъ въ количествѣ 700—800 человѣкъ. Но

Делавиль сдѣлалъ вылазку и заставилъ русскихъ не только сдаться, но сжечь свои лагери.

Вторая попытка освобожденія крѣпости была предпринята отрядомъ русскихъ въ 500 человѣкъ, состоявшимъ изъ пѣхоты и конницы подъ начальствомъ Ивана Можайскаго. Отрядъ расположился на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ крѣпости, но Делавиль атаковалъ его и разбилъ. О слѣдующей затѣмъ попыткѣ Салтыковъ пишетъ Сигизмунду слѣдующее: «я, холопъ вашъ, пріѣхавъ въ Великій Новгородъ, поговоря съ бояры, послалъ подъ Ладогу на нѣмецкихъ людей воеводу князя Григорія Волконскаго, со многими ратными людьми и съ нарядомъ и велѣлъ, государь, ему надъ нѣмецкими людьми промышлять, сколько Богъ помочи дастъ». Въ этомъ отрядѣ было 2,000 человѣкъ подъ начальствомъ князя Гр. Конст. Волконскаго, который, по прибытіи сюда, расположился въ 12 верстахъ отъ крѣпости, т. е. у устья Волхова. Здѣсь Делавиль потерпѣлъ пораженіе. Битва была глухой зимой въ 1611 году. Одержавъ эту побѣду, Волконскій пришелъ подъ Ладогу; сюда же прибылъ и Салтыковъ изъ Новгорода. Делавилю предложили очистить крѣпость за возвращеніе ему плѣнниковъ и между прочими его брата. Делавиль не соглашался и предлагалъ выкупъ за плѣнниковъ, на что, въ свою очередь, не соглашались русскіе. Для устрашенія передъ крѣпостью на глазахъ Делавиля зарѣзали двоихъ плѣнниковъ. Положеніе французовъ дѣлалось все болѣе труднымъ. Запертые въ крѣпости, лишенные всякихъ припасовъ, они выносили тяжкія лишенія. Наконецъ, Делавиль согласился сдаться Салтыкову на почетныхъ условіяхъ. Съ знаменами и оружіемъ, при звукахъ трубъ, вышли французы изъ крѣпости, получивъ отъ Салтыкова плѣнныхъ. Крѣ-

пость была занята семь мѣсяцевъ и освобождена въ февралѣ 1611 года.

Черезъ полгода однако Ладога была уже снова въ рукахъ непріятеля. За это время Делагарди успѣлъ силой овладѣть Новгородомъ послѣ того, какъ Салтыковъ умеръ, замученный пытками по обвиненію его новгородцами въ измѣнѣ и желаніи предать ихъ польскому королю. 15-го іюля 1611 года Делагарди заключилъ договоръ съ новгородцами объ избраніи на русскій престолъ шведскаго королевича Филиппа. Послѣ этого онъ отправился съ тѣмъ же намѣреніемъ въ Ладогу и требовалъ, чтобы ладожане впустили въ крѣпость войско русскаго царя, избраннаго, по его словамъ, и въ Москвѣ. Въ это время Ладога была занята русскимъ гарнизономъ въ 200 человѣкъ, и стражники били челомъ въ 1611 году, что «сидятъ де они въ Ладогѣ отъ нѣмецкихъ людей въ осадѣ и на караулахъ живутъ безпрестанно, днемъ и ночью, и нужда де имъ въ кормѣ въ Ладогѣ великая». Узнавъ, что новгородцы сдались Делагарди, ладожане впустили къ себѣ на тѣхъ же условіяхъ шведскія войска, подъ начальствомъ Ганса Райхенберга.

Шесть лѣтъ послѣ этого находилась Ладога подъ властью шведовъ. Все время въ ней стоялъ и хозяйничалъ шведскій гарнизонъ, сначала подъ начальствомъ Ганса Райхенберга, потомъ Эверта Горна и, наконецъ, самого Делагарди.

Между тѣмъ русскій народъ окончательно возмутился противъ иноземныхъ властителей. Въ 1613 году образовалось народное ополченіе подъ начальствомъ князя Пожарскаго. Ополченіе изгнало поляковъ изъ Москвы, и Россія избрала на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Всѣ города присягнули новому царю, и новгородцы очутились между двухъ огней. Порвать

съ Швеціей они не могли, потому что Делагарди держалъ ихъ въ рукахъ; порвать съ Москвою значило для нихъ порвать со всѣми началами своей жизни. Въ томъ же 1613 году умеръ король шведскій Карлъ; преемникъ его Густавъ-Адольфъ прислалъ брата своего Карла-Филиппа въ Выборгъ для переговоровъ. Эвертъ Горнъ требовалъ отъ новгородцевъ и ладожанъ прямого отвѣта: желаютъ ли они окончательно признать своимъ государемъ шведскаго короля или нѣтъ? Во всякомъ случаѣ они должны были знать, что шведскій король имѣлъ на нихъ право, такъ какъ его войска защищали ихъ отъ враговъ. Новгородцы хотѣли выиграть время. Они отвѣтили, что и раньше присягали королевичу Филиппу съ тѣмъ, чтобы онъ шелъ къ нимъ и оставилъ у нихъ все по-старому, итти же подъ власть шведскаго короля они и не собирались.

Пока шли эти переговоры, противъ шведовъ возрастало все большее и большее неудовольствіе и возмущеніе въ разоряемыхъ ими посадахъ и городахъ. Князь Волконскій началъ стягивать войска къ Новгороду, Тихвину и Ладогѣ. Въ декабрѣ 1614 года было сообщено ему изъ Ладоги въ Бѣлоозерскъ: «Стоятъ на Волховѣ, въ 10 верстахъ отъ Ладоги, 500 нѣмецкихъ людей, да пришло отъ Иванъ-Города, отъ Ямы и Копорья 1,500 нѣмецкихъ людей и стали на Масельгскомъ погостѣ да на Лунчагѣ (финскіе поселки недалеко отъ Ладоги), стоитъ прежнихъ нѣмецкихъ людей 500 человѣкъ, а съ Рождества однолично идти всѣмъ нѣмецкимъ людямъ въ Тихвинъ посадъ». Въ февралѣ 1615 года Ладога была сборнымъ пунктомъ шведскихъ войскъ, о чемъ было сообщено въ Бѣлоозеро: «велѣлъ-де Ивенгоръ нѣмецкому воеводѣ Самойлу Кобрину собирати всѣхъ нѣмцевъ въ Ладогу,

которые хотѣли, ходили въ Обонежскую пятину и на Масельгу, а собрався съ тѣми нѣмцы велѣлъ идти имъ въ Тихвинъ же, и нынѣ-де нѣмецкіе люди сошлись въ Ладогу». Делагарди жилъ въ то время преимущественно въ Ладогѣ и заводилъ въ ней иноземные порядки.

Чтобы окончательно отдѣлаться отъ шведовъ, новгородцы отправили пословъ къ московскому царю. Послы сказали ему, что новгородцы только изъ нужды передались шведскому королю и просятъ заступиться за нихъ и взять ихъ подъ свое покровительство. Послѣ милостивой грамоты царя новгородцамъ, открылись снова военныя дѣйствія. Московскіе отряды стояли на рѣкахъ Мстѣ и Ловати, а Волконскій сообщилъ, что онъ двинулся на государеву службу подъ Тихвинъ, Ладогу и Орѣшекъ, со всѣми атаманами и казаками, и назначалъ сборный пунктъ у Рождества Христова на рѣкѣ Пашѣ.

Но шведскій король былъ склоненъ къ миру и далъ приказъ Делагарди бросить Новгородъ, разоривъ его, какъ слѣдуетъ. Начались долгіе переговоры, которые кончились съѣздомъ въ деревнѣ Столбовѣ, между Тихвиномъ и Ладогой, гдѣ былъ заключенъ миръ 27 февраля 1617 года. По словамъ лѣтописи: «Нѣмцы съ государемъ помирилися и отдали городъ Новгородъ, Порховъ и Ладогу». Карела, Орѣшекъ, Копорье, Ямбургъ и другіе города оставались у шведовъ, а ближайшимъ русскимъ пунктомъ къ морю стала Ладога. Густавъ-Адольфъ, прочитавъ текстъ договора, улыбнулся и сказалъ: «Ну, теперь Москва совершенно отрѣзана отъ моря, не перешагнетъ».

Долго не могла справиться Ладога послѣ этого послѣдняго иноземнаго владычества. Вся она была

выжжена, разорена и разграблена, жители ея почти всѣ разбѣжались. Еще въ 1614 году захваченные непріятелемъ плѣнники показывали, что «русскихъ людей въ Ладогѣ нѣтъ никого». Всѣ окрестные монастыри и селенія также были разграблены непріятелемъ. Валаамскіе старцы писали въ 1618 году о Васильевскомъ монастырѣ противъ Ладоги: «стоитъ онъ пустъ, игумена и братіи въ немъ нѣтъ, лишь де живутъ въ немъ три служки». Этотъ монастырь былъ въ такой крайности, что когда въ 1620 году онъ началъ «ставиться послѣ войны нѣмецкихъ людей вновь», то до 1627 года богослуженіе въ немъ совершалось при освѣщеніи дранью, и братія, скорбя о томъ, приносила жалобу, что «у нихъ де въ церкви Божіей, служача съ лучиною, образа закоптѣли». Вообще кругомъ Ладоги, начиная съ Николо-Медвѣдицкаго монастыря у устья Волхова и до Гостинополья (въ 20 верстахъ отъ Ладоги), царствовало полное разореніе. Очевидно не сразу убрались изъ Ладоги шведы послѣ Столбовскаго договора, потому что въ грамотѣ отъ 1620 года игумена Медвѣдицкаго монастыря Кирилла, между прочимъ, пишется: «Въ прошломъ году Ладожскій воевода того Никольскаго монастыря бывшаго игумена Ѳеодорита и служителеи монастыря пыталъ всякими разными пытками и покинулъ въ тюрьму замертво, а въ монастырь прислали многихъ нѣмецкихъ людей и монастырь разорили, образы и колокола и свѣчи и паникадила и всякую монастырскую казну, лошадеи и коровъ и хлѣбъ монастырскій въ житницахъ монастырскихъ и по селамъ все пограбили, и по полямъ сѣянный хлѣбъ, пожавъ смолотивъ, свезли въ Ладогу, и старцевъ и слугъ и крестьянъ многихъ побили до смерти и монастырь и монастырскія гумна все выжгли, и

церкви каменныя разломали и ихъ разорили до основанія». Въ 1621 году старица Акилина, заботясь о возстановленіи Успенскаго монастыря, писала въ своей челобитной: «онѣ (сестры) отъ нѣмецкаго разоренія скитались между дворами и кормились Христовымъ именемъ и ихъ прежнюю жалованную грамоту и всякую монастырскую казну поимали и сестеръ побили нѣмецкіе люди въ тѣ поры, какъ имали Ладогу». А въ 1652 году писали посадскіе люди въ своей челобитной, что «въ прошлыхъ, государь, годѣхъ послѣ нѣмецкаго разоренья и мирнаго договору, собралось насъ сиротъ твоихъ посадскихъ, тяглыхъ людишекъ съ разныхъ городовъ на твое государево имя въ твою государеву отчину въ городъ Ладогу 49 семей».

И до сихъ поръ еще можно услышать въ Ладогѣ ссылки на то время, «когда французы и нѣмцы Ладогу разоряли».

Затягивались понемногу глубокія раны Ладоги, собирались изъ бѣговъ посадскіе людишки къ своимъ разореннымъ жилищамъ и строчили слезныя челобитныя на стрѣльцовъ и пушкарей, которые отнимали у нихъ послѣднюю возможность справиться торговлей и мѣстными промыслами. Такими же челобитными вымаливали старцы и старицы пособія на возстановленіе разграбленныхъ и опустѣвшихъ монастырей. Исконный врагъ ушелъ, удовлетворившись полученными городами, и пересталъ тревожить опустошенную Ладогу. Жизнь въ городкѣ кое-какъ налаживалась и входила въ колею, разваливались только не поддерживаемыя за ненадобностью, когда-то грозныя твердыни на берегу Волхова.

Въ 1699 году молодой московскій царь Петръ Алексѣевичъ затребовалъ указомъ выписку изъ опис-

ныхъ книгъ Новгородской области и ея пригородовъ и о состояніи ихъ казенныхъ зданій и имуществъ. Въ выпискѣ, касающейся Ладоги, перечислены всѣ ея жители, по сословіямъ, въ количествѣ 446 человѣкъ, и затѣмъ дальше, между прочимъ, значится: «Соборная церковь священномученика Климента, Егорьевская церковь, Успенскій дѣвичій монастырь, Васильевскій монастырь. Городъ Каменный, а въ немъ: Башня Климентовская круглая, высоты 7 саженъ 2 аршина. Та башня отъ мокроты съ верху до подошвы вся сыплется; кровли нѣтъ, и мосты всѣ сгнили и обвалились. Въ той башнѣ былъ проходной тайникъ въ Земляной городъ, и тотъ тайникъ и нижній бой засыпался и проходу въ тайникъ нѣтъ». Затѣмъ идетъ подробное описаніе остальныхъ башенъ города, которыя почти всѣ «сгнили, стоятъ безъ кровли и отъ мокроты сыплятся и валятся врозь». Мѣстами обвалившіяся каменныя стѣны замѣнены деревянными рублеными. Мосты также всѣ сгнили и провалились. Въ Проѣзжей башнѣ помѣщалась въ то время зелейная и свинцовая казна. «А тотъ Каменный городъ, башни и прясла стоятъ безъ кровли и безъ починки многіе годы; и на башняхъ кровлей и въ башняхъ мостовъ нѣтъ; отъ дождя и снѣга все сгнило безъ остатку и провалилось; и нарядъ пушки стоятъ въ башенныхъ окнахъ съ великою нуждою. Въ томъ же городѣ Приказная изба. И всего того города Каменнаго стѣны и съ башнями по мѣрѣ 168 саженъ съ четвертью». Городъ Деревянный. Всѣ башни, мосты и ворота этого города также сгнили и «валились врозь». Внутри города былъ прудъ, «и съ того пруда прежъ сего пропущена была вода за городъ, въ ровъ трубами; и тѣ трубы огнили и заросли, и вода стоитъ въ городѣ; а прудъ травою заросъ и

засорился». «Въ Деревянномъ же городѣ тайникъ къ рѣкѣ Волхову, а въ томъ тайникѣ колодязь; вода была проведена изъ рѣки Волхова трубою; и та труба и въ колодязь обрубъ и мостъ надъ колодеземъ все огнило безъ остатку; и въ нужное время въ городѣ водою будетъ скудно. И всего въ Деревянномъ городѣ деревянныхъ круглыхъ и глухихъ 2 башни, а третья проѣзжая, да Деревяннаго города башенъ и городовыя стѣны и съ быками 231 саж.»

ГЛАВА VII.

Окружные пути «изъ державы Царскаго Величества, изъ Поморскихъ странъ, въ Шведскую землю».—Война съ Швеціей при Петрѣ Великомъ.—Петръ въ Ладогѣ.—Россія у Балтійскаго моря.—Верфи и каналы. Старая Ладога уступаетъ мѣсто Новой Ладогѣ.

Столбовскій договоръ снова отодвинулъ Русское государство отъ Балтійскаго моря. Всѣ города на берегахъ Финскаго залива, Ладожскаго озера и Невы опять принадлежали шведамъ и были надежно укрѣплены ими. Далекъ и сложенъ былъ тогда путь изъ Россіи къ этому морю, а слѣдовательно и къ просвѣщеннымъ государствамъ того времени. Преосвященный архіепископъ холмогорскій Аѳанасій, сопровождавшій Петра Великаго въ плаваньѣ на яхтѣ въ Соловецкій монастырь, составилъ описаніе трехъ путей «изъ державы Царскаго Величества, изъ Поморскихъ странъ въ Шведскую землю и до столицы ихъ».

«Первый путь изъ Сумского городка на Повѣнетскій посадъ, и чрезъ Онегъ езеро, и Ладожскимъ езеромъ, мимо Государскій градъ Ладогу, на Орѣшекъ, до шведскаго града Нарвы или Ругодева, и до

града Ревель, рекше Колывань и чрезъ море Варяжское до королевской столицы Стеколны (Стокгольмъ). Второй путь изъ тогожъ Сумского городка, по Заонѣжью, чрезъ волости Государскія и многія деревни, и чрезъ границу Шведскими деревнями до древняго Государскаго города Корельска и до городовъ Выборга и Або. Третій путь изъ Кемскаго городка, чрезъ Государскія волости и многія деревни, и за границу до Шведскаго града Кариберя и до града Онульскаго (Улеаборгъ) и до града Або, о лѣвую сторону Ботинскаго рукава».

Затѣмъ архіепископъ подробно описываетъ каждый путь отъ Бѣлаго моря до Стокгольма. Ѣхать приходилось частью сухимъ путемъ—на лошадяхъ, частью по рѣкамъ и озерамъ и, наконецъ, моремъ, и почти все по чужимъ мѣстамъ. Для насъ интересны здѣсь его описанія нѣкоторыхъ попутныхъ мѣстъ и городовъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ исторіи Ладоги и шведской войны.

«О градѣ Ладогѣ. О лѣвую сторону Свири рѣки, отъ Великаго Новограда, изъ езера Ильмеръ теченіе имѣетъ рѣка Волховъ, и входитъ въ великое езеро Ладожское. Надъ тою рѣкою стоитъ градъ каменный Ладога, отъ езера 20 верстъ. Близь его о другую сторону града рѣка Ладога течетъ. Тоїї градъ Ладога имѣетъ всякія крѣпости и всякое оружіе, ловитвою рыбъ изобилуетъ зѣло».

«О Валамскомъ островѣ. На томъ же Ладожскомъ езерѣ есть островъ Валамъ. На томъ острову былъ монастырь словенскій съ монахи, области Новгородскія; нынѣ же ниже знаменія его обрѣтается, отъ шведовъ весь разорися, и вмѣсто его поселены шведы пахотные дворами; понеже островъ оный хлѣбороденъ и скотопажитенъ, къ житію человѣческому по-

гребенъ и рыбою изобиленъ зѣло. Отъ устья Свири рѣки езеромъ Ладожскимъ воднаго пути ко граду Орѣшку, до начала великія рѣки Невы 300 верстъ. Въ началѣ тоя великія рѣки на острову стоитъ градъ Орѣшекъ, строенье московскихъ Государей *), нынѣ же владѣютъ шведы; весь каменный, не великій, но зѣло крѣпкій, стѣны иматъ высокія 10 саженъ трехъ-аршинныхъ. Отъ того града Орѣшка внизъ рѣкою Невою судоваго пути 40 верстъ до града Канца. Градъ Канецъ земляный, не великій, стоитъ на берегу Невы, а съ другой стороны имѣетъ малую рѣку. Во градѣ живетъ начальный человѣкъ съ солдаты; живутъ за городомъ, за земляными валами, на то учиненными. Къ тому граду Канцу по всякое лѣто купецкихъ кораблей приходитъ по 50 и больши и меньши; той градъ стоитъ на государской землѣ. Противъ того града объ ону страну Невы рѣки обитаютъ земледѣлатели Ижоры, нашей христіанской вѣры; церковь и священника съ причетники имѣютъ; дань платятъ шведамъ».

«О градѣ Корѣльску (во второмъ пути). Корѣльскъ, градъ древній, Государскій, крѣпкій, каменный стоитъ за Ладожскимъ езеромъ, противъ града Олонца, на берегу езера. Во градѣ комендантъ и полковникъ съ солдаты; противъ того града, гдѣ мосты, за рѣкою, посадъ великій, домовъ съ 450; торги учинены въ городѣ и на посадѣ. Въ тотъ градъ изъ Олонца, изъ Ладоги и иныхъ мѣстъ, изъ Сумы, изъ Кемы россійскіе товары привозятъ: юфть, пеньку, ленъ, холсты, сукна, сало говяжье, масло коровье и заморскіе городскіе товары; лисицы, бѣлка, горностай, волки, медвѣдны, заечины».

---

*) Здѣсь ошибка: Орѣшекъ построенъ новгородцами въ 1323 году.

Петръ былъ въ восторгѣ, когда увидалъ въ первый разъ оживленную торговую пристань Архангельскъ и Бѣлое море со всевозможными иностранными судами. Впослѣдствіи онъ взялъ городъ Азовъ, и Россія получила свободный доступъ къ Азовскому и Черному морямъ; но не къ этимъ морямъ стремился Петръ. Бѣлое море замерзало на большую часть года, потому торговля съ иностранными государствами замирала тамъ на долгое время. Черное море соединяло съ югомъ, а просвѣщенные государства были на западѣ Европы.

Пётръ бывалъ уже въ Голландіи, Англіи, Германіи; многому научился тамъ и видѣлъ, насколько отстала его родина отъ просвѣщенныхъ государствъ Запада. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понималъ, что пока Россія будетъ отрѣзана чужими землями отъ Балтійскаго моря, до тѣхъ поръ будутъ затруднены ея сношенія съ западной Европой, и до тѣхъ поръ она будетъ отставать отъ нея и въ торговлѣ, и въ просвѣщеніи. Было необходимо «въ Европу прорубить окно», «ногою твердой стать при морѣ». Нужно было вернуть хотя старые города на Финскомъ заливѣ и Невѣ, отданные шведамъ при Столбовскомъ договорѣ. Петръ не нарушалъ еще мира, но просилъ шведскаго короля Карла XII уступить Россіи для торговли Нарву на Финскомъ заливѣ или Ніеншанцъ (Канцы) на устьѣ р. Охты, впадающей въ Неву. Король, послѣ долгаго молчанія, отвѣтилъ отказомъ. Раздраженный Петръ вступилъ въ союзъ съ королями датскимъ и польскимъ и объявилъ войну Швеціи. Въ сраженіи подъ Нарвой русское войско было разбито, и остатки его собрались въ Новгородѣ. Это первое пораженіе Петръ принялъ, какъ урокъ, которымъ рѣшилъ воспользоваться. Во время перерыва военныхъ дѣйствій онъ

приводилъ въ порядокъ и обучалъ войска, а также усиливалъ артиллерію. Отъ всѣхъ окрестныхъ монастырей онъ затребовалъ часть колоколовъ на отлитіе пушекъ.

Между тѣмъ, шведскій король перезимовалъ въ Дерптѣ (Юрьевъ) и въ 1701 году, весной, увеличивъ свою армію до 25,000 человѣкъ, разбилъ саксонское войско на берегу рѣки Двины и отнялъ у него обозъ. Другіе полки напали на польскіе запасные магазины въ Митавѣ и разорили ихъ. Овладѣвъ всей Курляндіей, король пошелъ преслѣдовать саксонскаго фельдмаршала, который соединился съ княземъ Рѣпнинымъ. Князь Рѣпнинъ ушелъ отъ Карла, соединившись въ Псковѣ съ Шереметьевымъ. Тогда Карлъ отправился въ Польшу и тамъ «застрялъ», по выраженію Петра, надолго. Петръ воспользовался его отсутствіемъ и занялся истребленіемъ шведскихъ войскъ въ Лифляндіи и отбираніемъ прибрежныхъ городовъ на Финскомъ заливѣ. Затѣмъ онъ укрѣпилъ Новгородъ и Псковъ. Въ 1702 году генералъ Шереметьевъ одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ непріятелемъ въ Лифляндіи. Полковникъ Тыртовъ разбилъ на Ладожскомъ озерѣ шведскую эскадру. Апраксинъ въ это же время разбилъ шведскаго генерала на Ижорѣ. Петръ, получивъ извѣстіе, что шведскій флотъ приготовляется напасть на Архангельскъ, поѣхалъ туда, укрѣпилъ устье Двины батареями и заложилъ новую крѣпость на взморьѣ—Ново-Двинскую, тогда же рѣшивъ взять у шведовъ крѣпость Нотебургъ (Орѣшекъ). Затѣмъ онъ приказалъ Рѣпнину слѣдовать къ Ладогѣ, повелѣвъ туда же отправить и артиллерію.

Изъ Архангельска Петръ ѣхалъ новой дорогой, черезъ мхи и болота, 160 верстъ до рѣки Онеги, отсюда на приготовленныхъ судахъ по Онежскому озеру

и рѣкѣ Свири до Ладожскаго озера. Въ сентябрѣ 1702 года пріѣхалъ Петръ въ Ладогу и оттуда писалъ къ Шереметьеву: «Если не намѣренъ чего, ваша милость, еще главнаго сдѣлать въ Лифляндіи, изволь не мѣшкавъ быть къ намъ, зѣло время благополучно, не надобно упустить; а безъ васъ у насъ будетъ не такъ, какъ надобно». Черезъ пять дней летѣло ужъ другое такое же письмо къ Шереметьеву: «Изволь, ваша милость, немедленно быть самъ неотложно къ намъ въ Ладогу; зѣло нужно, и безъ того инако быть и не можетъ; о прочемъ же, какъ о прибавочныхъ войскахъ, такъ и о артиллерійскихъ служителяхъ изволь учинить по своему разсужденію, чтобъ сего Богомъ даннаго времени не потерять».

По прибытіи Шереметьева, Петръ повелъ войско къ Нотебургу. Это была маленькая крѣпость, обнесенная высокими каменными стѣнами. Шведскаго гарнизону въ ней было не болѣе 450 человѣкъ, но около полутораста орудій, а у осаждающихъ было тысячъ десять войска. На другой день прибыла артиллерія, которую привезли, за неимѣніемъ лошадей, на людяхъ, и остальное войско на 50 судахъ по Ладожскому озеру. Петръ сначала предложилъ сдать крѣпость безъ боя, но, получивъ отказъ, сталъ бомбардировать ее. Послѣ отчаяннаго сопротивленія комендантъ былъ принужденъ сдать крѣпость 11 октября 1702 года. Петръ былъ въ восторгѣ отъ пріобрѣтенія города, который переименовалъ въ Шлюссельбургъ (ключъ—городъ). Объ этой побѣдѣ онъ такъ писалъ надзирателю артиллеріи, находившемуся въ то время въ Сибири: «Правда, что зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ, однакожъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Артиллерія наша зѣло чудесно дѣло свое исправила». Въ слѣдующемъ 1703 году, въ апрѣлѣ, отъ Шлюс-

ВЫБОРГСКАЯ ГУБ
ОЗ. ЛАДОЖСКОЕ
ОЛОНЕЦКАЯ ГУБ.
ФИНСКІЙ ЗАЛИВЪ
КРОНШТАДТЪ
СПЕТЕРБУРГЪ
ОРАНІЕНБАУМЪ
ОПЕТЕРГОФЪ
ШЛИС
Р. НЕВА
СЕЛЬБ.
ЛАДОГА
ОЛУНГАЧИ
ОМАСЕЛЬСКІЙ
ОСТАР. ЛАДОГА
СТОЛБОВО
Р. ВОЛХОВЪ
ОКАПОРЬЕ
ОЦАРСКОЕ СЕЛО
ОПАВЛОВСКЪ
ОГАТЧИНА
Р. ЛАВА
ОТИХВИНЪ
Р. СЯЗЬ
ЭСТЛЯНДСКАЯ ГУБ.
ОНАРВА
ЯМБУРГЪ
ИВАНЪ-ГОРОДЪ
Р. НАРОВА
ЛИФЛЯНДСКАЯ ГУБ.
ЧУДСКОЕ И ПСКОВСКОЕ ОЗЕРА
Р. ЛУГА
ОЛУГА
НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНІЯ
ОНОВГОРОДЪ
ПСКОВЪ
ПСКОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ
ПЕТЕРБУРГСКАЯ ГУБ.
НОВОЛАДОЖСКІЙ УѢЗДЪ
(БЫВШАЯ ЛАДОЖСКАЯ ОБЛАСТЬ).

Рис. 10.

сельбурга по правому берегу Невы шли русскія войска подъ начальствомъ фельдмаршала Шереметьева. Шли они лѣсами большими и малыми и завидѣли, наконецъ, при устьѣ рѣчки Охты, на берегу Невы, маленькій земляной городокъ Канцы, или Ніеншанцы, сдѣланный здѣсь шведами для стереженія Невы. Къ русскому войску подъѣхалъ бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ (Петръ Великій) и съѣздилъ въ сопровожденіи 60 лодокъ осмотрѣть устье Невы. Вечеромъ 30 апрѣля начали бомбардировать Канцы, а утромъ перваго мая взяли и переименовали въ Шлотбургъ. Пятаго мая неожиданно подошли съ моря два шведскихъ судна. Завязался бой, и оба судна были взяты. Завѣтная мечта Петра сбылась: онъ стоялъ у моря. 16 мая 1703 года на одномъ изъ островковъ Невскаго устья застучалъ топоръ: рубили деревянный городокъ «Питербурхъ».

Такимъ образомъ кончилась роль Ладоги, какъ ближайшаго русскаго пункта къ Балтійскому морю.

«Шелъ какъ-то изъ Новгорода въ Ладогу ладожскій стрѣлецъ Александръ, встрѣтилъ старца на пути и разговорился съ нимъ. «Какое нынѣ христіанство?—говорилъ старецъ,—нынѣ вѣра по-новому. У меня есть книги старыя, а нынѣ эти книги жгутъ. И какой у насъ, христіанъ, государь? Латышъ онъ, а не государь. Поста никогда не имѣетъ. Онъ льстецъ, антихристъ, рожденъ отъ нечистой дѣвицы, писано объ немъ именно въ книгахъ валаамскихъ чудотворцевъ, и что онъ головою запрометываетъ и ногою запинается, и то его нечистый духъ ломаетъ». Стрѣлецъ замѣтилъ: «государь отъ царскаго родился колѣна». «У него мать была какая царица?—отвѣчалъ старецъ.—Она была еретица, все дѣвокъ родила». А о себѣ

старецъ сказалъ стрѣльцу: «Я живу въ Заонежьи, въ лѣсахъ, ко мнѣ лѣтней дороги нѣтъ, а есть дорога зимняя и то ко мнѣ ходятъ на лыжахъ»*). Въ самые глухіе, едва проходимые лѣса и въ самые уединенные скиты доходили слухи о диковинномъ царѣ, который крутилъ Русскую землю на новый, не здѣшній ладъ и обычай. Да и что мудренаго, когда самъ этотъ царь забирался во всѣ глухіе углы и всюду приносилъ съ собой новую науку? Осуществляя завѣтную мечту, отвоевывая путь къ морю, онъ на всѣхъ судоходныхъ рѣкахъ строилъ новыя суда, налаживалъ русскій флотъ. И на Бѣломъ морѣ и на рѣкахъ, впадающихъ въ Ладожское озеро,—всюду устраивалъ онъ судостроительныя мастерскія—верфи. Онъ послалъ людей на рѣку Пашу, впадающую въ озеро Ладожское, чтобы изучить мѣстное судостроеніе, происходившее тамъ съ древнихъ временъ. Въ Лодейномъ Полѣ, на рѣкѣ Свири, онъ устроилъ новую верфь и прислалъ туда голландскаго мастера, чтобы научить строить суда по голландскому образцу. Здѣсь онъ былъ самъ и изслѣдовалъ глубину рѣкъ, чтобы опредѣлить ихъ годность для судоходства. Случилось, что недалеко отъ рѣки Свири царское судно сѣло на мель, и съ тѣхъ поръ эта мель стала называться Государевой или Царскія Луды. На Свири Петра застала сильная буря, и мѣстное народное преданіе говоритъ, что, «выйдя на берегъ, царь хотѣлъ посѣчь озеро, въ которое впадаетъ рѣка». Вѣроятно преданіе произошло изъ того, что Петръ рѣшилъ послѣ этого изслѣдовать, какъ слѣдуетъ, фарватеръ озера.

Но Ладожское озеро издревле славилось своими бурями и много потопило богатствъ и людей. И

---

*) Соловьевъ. Исторія Россіи.

Петръ задумалъ соединить рѣки каналами, чтобы обойти озеро и устроить болѣе безопасный путь для судовъ. Извѣстный русскій ученый и поэтъ, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, родившійся въ 1712 году около города Холмогоръ, написалъ стихотвореніе «Картина Ладожскаго озера», въ которомъ говоритъ о мысли Петра построить каналъ:

«Принесши плодъ, земля лишилась лѣтней нѣги;
Разносятъ блѣдный листъ бурливыхъ вѣтровъ бѣги;
Летитъ съ крутыхъ верховъ на Ладогу борей,
Дожди и снѣгъ и градъ трясетъ съ сѣдыхъ кудрей,
Наводитъ на воды глубокія морщины.
Сквозь мглу ужасенъ видъ нахмуренной пучины;
Смутившись тягостью его замерзлыхъ крылъ,
Крутится и кипитъ съ водой на берегъ илъ.
Волнами свержены, встрѣчаютъ гору волны
И скачутъ вкругъ нея, печальныхъ знаковъ полны,
Между запасами колеблется тамъ дубъ,
Между снарядами пловцовъ россійскихъ трупъ;
Тамъ кормы, дна судовъ разсыпаны, разбиты...
Монархъ, узрѣвъ въ пути, коль злобенъ рокъ несытый,
Вздохнулъ изъ глубины и бурѣ запрещалъ,
И въ сердцѣ положилъ великій трудъ—каналъ,
Дабы россійскою могущею рукою
Потоки Волхова соодинить съ Невою».

Замысливъ прорытіе канала между Невой и Волховомъ, Петръ рѣшилъ перенести и прежнюю торговую Волховскую пристань ближе къ Ладожскому озеру. Прежняя Ладога была все-таки далека отъ Ладожскаго озера, отъ Невы и взморья, гдѣ зарождалась теперь новая жизнь и закипала новая дѣятельность. И вотъ въ 1703 году былъ основанъ Петербургъ, взяты у шведовъ старые города Копорье и Ямы(Ямбургъ), а въ 1704 году Петръ отправился уже въ Новую Ладогу, «которую опредѣлилъ увеличить людьми, переселенными изъ Старой Ладоги, и строеніемъ, учредя въ ней пристань для всѣхъ слѣдую-

щихъ изнутри Россіи къ Петербургу товаровъ и припасовъ водою и сухимъ путемъ».

Старый, захудалый городокъ, потерявшій свое прежнее значеніе, похоронившій въ своихъ развалинахъ былое величіе, былъ не интересенъ для Петра, стремившагося обновить Россію. Въ своемъ страстномъ стремленіи къ обновленію государства, въ стремленіи поднять родину до уровня сосѣднихъ просвѣщенныхъ странъ, Петръ не имѣлъ времени думать о сохраненіи памятниковъ отживающей старины. Пусть тихо разрушается и врастаетъ въ землю старая твердыня, пусть дремлютъ въ тихомъ покоѣ захолустные монастыри, но все, способное къ новой жизни, къ пріобрѣтенію новыхъ знаній, должно быть перенесено ближе къ центру этой жизни. Пути сообщенія должны способствовать развитію торговли и промышленности въ странѣ, нужно, чтобы матеріалы для разныхъ издѣлій привозились изъ всѣхъ угловъ и шли въ дѣло, а не залеживались безъ пользы на мѣстѣ. Нужно соединять рѣки каналами, нужно строить удобныя суда. Нужны рабочія руки, нужна торговля, должно заселяться пустынное мѣсто—нужны люди. И Петръ переноситъ изъ стараго города всѣ казенныя учрежденія для управленія новымъ, все городское имущество, всѣ запасы, оружіе изъ старой крѣпости, переводитъ купечество и тянетъ всѣхъ посадскихъ людишекъ изъ Старой Ладоги въ Новую. Немногіе храбрецы осмѣливаются противиться его властному приказанію и упорно отстаиваютъ свое право остаться на мѣстахъ своихъ дѣдовъ, у ихъ старыхъ могилъ. И теперь живутъ въ Старой Ладогѣ нѣсколько семей, предки которыхъ искони жили въ ней.

Постепенно многія пригородныя слободы отошли въ частное владѣніе, и вся область около Успенскаго

монастыря была пожалована Римскому-Корсакову, а потомъ отошла во владѣніе его дочери, въ замужествѣ Мельгуновой. Жители этой мѣстности стали судиться изъ-за земли, на которой стояли ихъ дома. Дѣло, конечно, было проиграно, и они должны были откупить эти мѣста. Такъ какъ почти вся Ладога принадлежала теперь Мельгуновой, то, по ея желанію, землемѣръ хотѣлъ переименовать ее въ село Успенское. Но, говорятъ, мѣстные старожилы отказались стереть послѣднее воспоминаніе о древней Рюриковой столицѣ, хотя и не получили вслѣдствіе этого документовъ на владѣніе купленными участками.

Въ двѣнадцати верстахъ отъ стараго города Ладоги, у устья Волхова, на полуостровѣ, называвшемся въ древности Медвѣдицей, гдѣ стоялъ Николо-Медвѣдицкій монастырь, выросъ нынѣшній уѣздный городъ Новая Ладога.

Мѣсто Николо-Медвѣдскаго монастыря, на красивомъ крутомъ пригоркѣ, надъ самымъ Волховомъ, занялъ теперь Николаевскій соборъ съ кладбищемъ вокругъ него. Отъ воротъ собора тянется главная улица города—Николаевскій проспектъ, а въ началѣ его стоитъ старая каменная церковь съ высокой колокольней и низенькимъ входомъ, напоминающимъ входы въ старинные русскіе терема. Это церковь св. Климента, перенесенная сюда Петромъ изъ Старой Ладоги. Объ этомъ перенесеніи свидѣтельствуетъ копія со справки, полученной въ Новоладожскомъ духовномъ правленіи 19 октября 1780 года: «Когда блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Государя Императора Петра Великаго Самодержца Всероссійскаго по изустному приказанію Ладожское купечество

и служивые и всякихъ чиновъ жители переведены изъ Старой Ладоги въ Новую Ладогу, тогда и состоящая въ Старой Ладогѣ соборная, священномученика Климента папы Римскаго деревянная церковь съ другою при ней теплою деревянною жъ, Нерукотвореннаго образа Спасова церковію, изъ Старой Ладоги въ Новую Ладогу перенесены и поставлены».

Рис. 11. Новая Ладога.—Николаевскій проспектъ.—Климентовская церковь.

Въ 1741 году вмѣсто этой деревянной церкви выстроена была каменная. Иконы и утварь перевезены были вмѣстѣ съ церковью изъ Старой Ладоги, тогда же былъ перевезенъ и большой деревянный крестъ съ надписью на мѣдной пластинкѣ: «1701 года по указу Петра Алексѣевича послано было изъ Новгорода, подъ предводительствомъ князя Григорія Путятина воинство къ шведскому рубежу, въ село Савогда, осаждены были шведами Новгородскихъ пол-

ковъ капитаны, съ Бѣлогородскими и Ладожскими стрѣльцами 400 человѣкъ; во время оной осады, Генваря 21 дня, Ладожскому стрѣльцу Ивану Васильеву явился честный крестъ. Пришедъ къ нему нѣкій человѣкъ, велѣлъ взять оный крестъ въ горницѣ и идти съ нимъ изъ осады безъ боязни, и того же Генваря 24 дня ладожскому жъ конному казаку Петру Лосовикову во снѣ явились святые и рѣча ему, что медлите, идите въ домъ свой, не страшась непріятелей. Осажденные, благодаря Всевышняго за такоїї человѣколюбивый промыселъ, и 28 числа того жъ мѣсяца, въ ночи, взявъ съ собой честный и животворящій крестъ, нося передъ собой, прошли сквозь шведское воинство заступленіемъ распятаго Господа и молитвами Пресвятой Богоматери, ни чѣмъ невредимы въ осадѣ жъ находилися 11 дней съ 17 по 28 число Генваря».

Въ этой старой надписи на крестѣ звучатъ послѣдніе отголоски борьбы староладожскихъ жителей съ исконнымъ врагомъ шведами.

Николаевскій проспектъ въ Новой Ладогѣ тянется черезъ весь городъ вдоль по Волхову. На немъ стоятъ всѣ казенныя учрежденія и каменные дома богатыхъ жителей; здѣсь же, въ серединѣ, находится каменный Гостиный дворъ, около котораго на площади рынокъ. Вокругъ площади сгруппировались гостиницы, чайныя и ряды лавочекъ съ разными закусками, примыкающіе къ пристани. Около пристани шумно, грязно и людно, какъ бываетъ обыкновенно около пристаней. Здѣсь съ утра до вечера толкутся оборванные, полуголодные и полупьяные люди, ищущіе заработать грошъ съ проѣзжающихъ и пріѣзжающихъ. По другую сторону къ проспекту прилегаетъ цѣлый рядъ идущихъ параллельно улицъ, пыльныхъ, немощеныхъ, съ

деревянными заборами и маленькими деревянными домиками. Большіе запущенные сады окружаютъ домики, и старыя деревья широко и гостепріимно раскидываютъ свои вѣтви на улицу, давая тѣнь прохожимъ. Нѣкоторыя улицы представляютъ сплошныя аллеи изъ старыхъ липъ и березъ. Здѣсь тишина

Рис. 12. Новая Ладога.—Петровскій каналъ.

и миръ, здѣсь ребятишки цѣлыми днями копошатся на пескѣ, смѣшанномъ съ пылью, или на лужайкахъ, а по вечерамъ молодежь играетъ въ горѣлки. Нѣсколько такихъ улицъ лучами сходятся къ старому деревянному колодцу, теперь заколоченному, къ которому собираются посплетничать на досугѣ обитательницы сосѣднихъ домовъ.

За этими улицами, параллельно съ проспектомъ тянется старый Петровскій каналъ, за которымъ живетъ преимущественно бѣдное населеніе города и много цыганъ, торгующихъ лошадьми. При постройкѣ городъ былъ обнесенъ большимъ земляннымъ валомъ

Рис. 13. Домикъ въ селеніи Дубно, гдѣ останавливался Петръ Великій.

остатки котораго и теперь еще видны у устья Волхова. Каналы обвиваютъ Новую Ладогу, какъ лентой, съ трехъ сторонъ, отдѣляя собственно городъ отъ пригородныхъ слободокъ.

Первый ладожскій каналъ начали рыть въ 1719 году 22 марта, въ присутствіи Петра Великаго, который

самъ вывезъ три первыя телѣжки земли. Въ 1724 году Петръ снова былъ въ Ладогѣ, самъ пробилъ лопатой плотину и первый проѣхалъ по каналу на ботикѣ, который тянули ладожскіе мальчики, одѣтые въ бѣлое матросское платье, до селенія Дубно, въ 24 верстахъ отъ Ладоги. Въ этомъ селеніи, въ домикѣ, въ которомъ останавливался Петръ, долго хранились ботикъ и орудія, которыми онъ работалъ. Потомъ все это было увезено въ Шлиссельбургъ.

Открытъ каналъ для судоходства былъ уже послѣ смерти Петра, въ 1731 году, въ присутствіи императрицы Анны Іоанновны.

Въ 1765 году Екатерина II была въ Ладогѣ, осматривала каналъ и повелѣла начать рыть другое устье за церковнымъ валомъ. Работы надъ этимъ вторымъ каналомъ кончились въ 1798 году. Въ 1766 году начали копать каналъ для соединенія Волхова съ Сясью, который былъ конченъ въ 1802 году. Наконецъ, въ 1803 году начали работы Свирскаго канала, который былъ конченъ въ 1809 году.

Между тѣмъ со смертью строителя Петровскаго канала, Миниха, каналъ началъ мало-по-малу приходить въ запустѣніе. Онъ сильно мелѣлъ, шлюзы и водоспуски его ветшали. Нѣсколько разъ углубляли его дно, но каналъ снова засорялся и мелѣлъ, особенно въ года засухи. Торговцы дровами и лѣсомъ терпѣли громадные убытки, вслѣдствіе непомѣрной задержки судовъ. Въ 1826 году, благодаря такой задержкѣ судовъ, Петербургъ едва не остался на зиму безъ дровъ, только осенніе дожди поправили дѣло. Императоръ Николай I повелѣлъ соорудить новые гранитные шлюзы и возобновить всѣ водоспуски, но засореніе канала все-таки продолжалось. Тогда явилась мысль объ устройствѣ новаго канала ря-

домъ съ прежнимъ, открытаго, безъ шлюзовъ, на одномъ уровнѣ съ озеромъ. Для покрытія расходовъ купечество установило полупроцентный сборъ съ грузовъ. Въ 1861 году начаты были работы, а въ 1866 году каналъ былъ открытъ въ присутствіи импера-

Рис. 14. Новая Ладога.—Петровскій каналъ.

тора Александра II. Съ его разрѣшенія купечество назвало каналъ его именемъ. По каналу Александра II ходятъ теперь пассажирскіе и буксирные пароходы и тяжело нагруженныя дровяныя и разныя другія баржи, а по Петровскому каналу идутъ плоты, сѣнныя барки и пустыя суда, возвращающіяся изъ Невы въ Волховъ.

Въ Новой Ладогѣ и слѣдовъ нѣтъ той мирной захолустной тишины, которой проникнута грезящая о быломъ Старая Ладога. Даже и Волховъ какъ будто стряхиваетъ здѣсь съ своихъ плечъ немощную старость; широко разливается онъ, раскинувъ въ обѣ стороны каналы, какъ могучій дубъ, великанъ раскидываетъ свои вѣтви. «Сердитъ батюшка Волховъ,—говорятъ мѣстные жители,—кто попадетъ въ него, живымъ не отпуститъ, озеро куда добрѣе его».

Но озеро здѣсь у берега такъ мелко, что ходятъ по нему только рыбацкія лодки да легкіе парусные катеры. Тамъ же, гдѣ по нему ходятъ большіе пароходы, гдѣ кругомъ не видать береговъ, тамъ оно тоже шутить не любитъ и спуску никому не даетъ.

Суета и оживленіе съ утра до вечера кипятъ на Волховѣ и на каналахъ около Новой Ладоги въ лѣтнее время. Безъ конца тянутся по каналамъ громадныя баржи всѣхъ видовъ и величинъ, нагруженныя преимущественно лѣсомъ и сѣномъ. Тѣсно имъ въ узкихъ каналахъ, зачастую не могутъ онѣ разъѣхаться съ встрѣчными пароходами или такими же баржами. Выходятъ изъ себя погонщики лошадей на берегу и команда на судахъ. Раздраженные крики и крѣпкая ругань, не смолкая, виснутъ въ воздухѣ.

Не велико прошлое Новой Ладоги, и жители ея не разсказываютъ преданій о Рюрикѣ или богѣ Ладо, не знаютъ никакихъ тайниковъ и подводныхъ ходовъ. Они укажутъ вамъ только старыя облѣзлыя казармы постройки Петровскихъ временъ или каменное желтое зданіе на берегу канала, гдѣ была водокачка во время прорытія канала, а теперь устроена чайная для судовыхъ рабочихъ. Недалеко отъ чайной стоитъ старая рябина, раздѣлившаяся на четыре толстыхъ ствола; она скрипитъ и стонетъ при каждомъ по-

рывѣ вѣтра и, можетъ быть, тоже вспоминаетъ далекія петровскія времена.

Здѣсь же, недалеко отъ канала, стоялъ когда-то большой деревянный дворецъ, выкрашенный синей краской, въ которомъ живала, еще будучи великой княжной, императрица Елисавета Петровна. Во времена Екатерины Второй здѣсь же находился и ея дво-

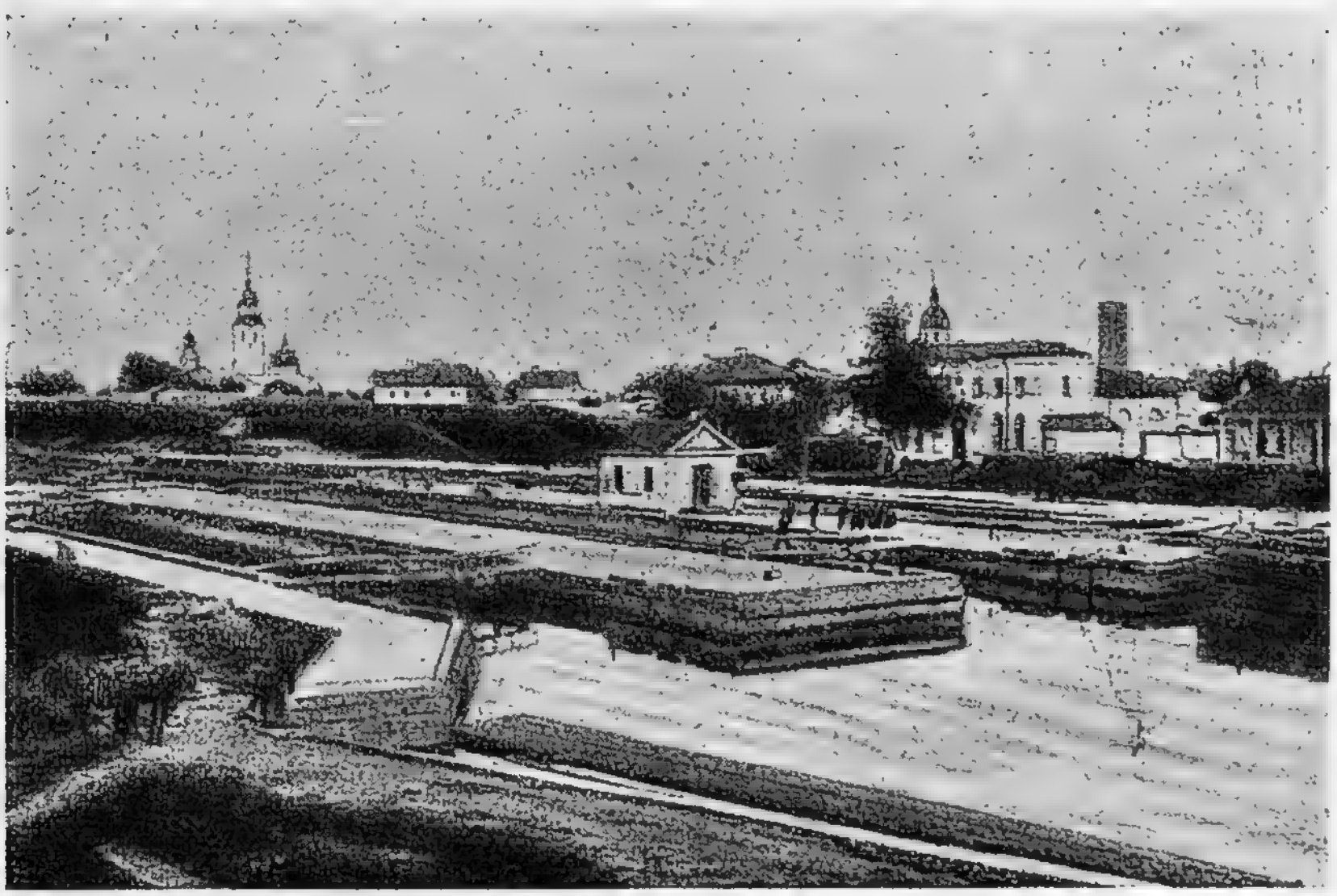

Рис. 15. Новая Ладога.—Шлюзы на Петровскомъ каналѣ.—Чайная на берегу.

рецъ, окруженный рощей. Въ немъ останавливалась Екатерина, которая бывала также и въ Старой Ладогѣ, у тамошнихъ помѣщиковъ Валкъ, получившихъ землю по родству отъ готландскаго купца Лиларъ. Въ саду этихъ помѣщиковъ Екатерина посадила лиственницу, которая существуетъ тамъ и до сихъ поръ.

При выѣздѣ изъ Новой Ладоги стоитъ старая церковь св. Георгія, окруженная старымъ же, почти

разрушеннымъ кладбищемъ. Эта церковь была построена знаменитымъ фельдмаршаломъ Суворовымъ, когда онъ жилъ въ Новой Ладогѣ, будучи командиромъ Суздальскаго полка.

ГЛАВА VIII.

Раскопки.—Доисторическій человѣкъ южнаго побережья Ладожскаго озера.—Курганы южнаго Приладожья, курганы Волхова.—Предполагаемая Олегова могила.—Ладога—Рюрикова крѣпость.—Земляное городище.

Люди, не оставившіе послѣ себя никакихъ письменныхъ памятниковъ или описаній исторіи своей жизни, называются первобытными или доисторическими. О жизни такихъ доисторическихъ людей можно судить по разнымъ вещественнымъ остаткамъ ихъ жизни. Первымъ и главнымъ средствомъ для существованія ихъ была охота. Неудобныя природныя условія или неудачныя столкновенія съ врагами заставляли доисторическихъ людей часто мѣнять мѣсто, перекочевывать. На мѣстахъ остановокъ или стоянокъ оставались послѣ нихъ всякіе отбросы,—то, что остается и теперь на мѣстѣ жилья всякаго рода людей. Въ этихъ остаткахъ или отбросахъ можно найти кости животныхъ, употребляемыхъ въ пищу людьми, жившими здѣсь, черепки ихъ посуды, обломки разной домашней утвари, орудій, оружія. Заброшенныя стоянки покрываются землей, зарастаютъ травой, или деревьями, или заметаются песками. Вслѣдствіе разныхъ измѣненій, происходящихъ на землѣ, образуются наслоенія, пласты земли, которые изучаютъ изслѣдователи земли — геологи.

При раскапываніи земли находятъ остатки жилья первобытныхъ людей, опредѣляя приблизительное количество лѣтъ со времени ихъ жизни здѣсь по слоямъ земли, опредѣляютъ степень ихъ культуры, т. е. степень ихъ развитія, умѣнія, познаній. Люди, изучающіе культуру доисторическихъ людей или древнихъ историческихъ по разнымъ остаткамъ и памятникамъ ихъ жизни, называются археологами.

При прорытіи соединительныхъ каналовъ около Ладожскаго озера, особенно новаго Сяськаго канала, обнаружились слои земли, которые заинтересовали и геологовъ и археологовъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія профессоръ А. Иностранцевъ дѣлалъ раскопки около этихъ каналовъ на южномъ побережьѣ Ладожскаго озера и, по слоямъ земли и найденнымъ отбросамъ и остаткамъ, далъ вѣроятную картину растительности, какая могла быть здѣсь нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ, породы животныхъ, жившихъ здѣсь, и степени культуры людей, оставившихъ здѣсь слѣды своей жизни.

По его словамъ, южное побережье Ладожскаго озера нѣсколько тысячъ лѣтъ назадъ было покрыто дремучими, преимущественно лиственными лѣсами и изобиловало болотами. Въ лѣсахъ было много крупныхъ и мелкихъ дикихъ звѣрей и птицъ, доставлявшихъ жившему здѣсь человѣку пищу и одежду. Но, судя по громадному количеству рыбныхъ костей и чешуи, можно думать, что доисторическій человѣкъ здѣшнихъ мѣстъ, благодаря близости и обилію воды, былъ болѣе рыболовъ, чѣмъ охотникъ. Можно предположить, что болѣе мелкую рыбу люди ловили тогда при помощи оглушенія, когда она скоплялась подо льдомъ зимой, или при помощи мордъ, сдѣланныхъ изъ ивовыхъ прутьевъ; но среди находокъ встрѣ-

чаются также и какія-то издѣлія изъ кости, напоминающія крючки удочекъ. Найденъ тяжелый, почернѣвшій дубовый челнокъ, грубо выдолбленный изъ цѣлаго дерева. Но на такомъ челнокѣ едва ли возможно было отплывать далеко отъ берега, потому рыба, вѣроятно, ловилась вблизи него. На охоту доисторическій человѣкъ шелъ, вооруженный каменнымъ или роговымъ топоромъ, заостреннымъ въ видѣ копья и плотно насаженнымъ на деревянную рукоятку, и навѣсивъ на себя точила, ножи и разныя другія мелкія каменныя или костяныя принадлежности, тоже найденныя на мѣстахъ стоянокъ. При помощи такого вооруженія онъ могъ бить крупнаго звѣря—быка, лося, оленя, кабана или медвѣдя. Съ гарпуномъ онъ охотился на тюленей, о чемъ можно судить по найденному каменному предмету, очень похожему на гарпунъ, и по множеству костей тюленя. Охота на соболей, куницъ, бобровъ и выдръ требовала исключительной ловкости и осторожности. Надо думать, что этихъ мелкихъ звѣрей приладожскій житель убивалъ каменными стрѣлами и дротиками, которые тоже найдены среди остатковъ. Можетъ быть, употреблялись и силки или капканы, но утверждать этого нельзя, за неимѣніемъ доказательствъ въ видѣ находокъ. Среди отбросовъ часто встрѣчаются остатки зайцевъ, кости дикихъ утокъ, гусей и т. п.

Во всякомъ случаѣ по найденнымъ отбросамъ разнаго съѣстного матеріала можно судить, что доисторическій житель этой мѣстности не голодалъ. Вѣроятно, онъ не зналъ хлѣба, потому что земледѣліемъ начинаютъ заниматься люди, стоящіе на болѣе высокой степени культуры. Въ описываемыхъ здѣсь мѣстахъ не было найдено никакихъ орудій или приспособленій, указывающихъ на земледѣліе. Но въ мясѣ

всякаго рода мѣстный житель того времени не имѣлъ недостатка. Въ видѣ лакомства онъ употреблялъ, вѣроятно, ягоды—малину, ежевику, костянику и морошку, а также и орѣхи—всего этого было здѣсь, по всѣмъ видимостямъ, много. Посуда, изъ которой ѣлъ человѣкъ этого времени, была сдѣлана изъ глины, но очень неискусно, насколько можно судить по черепкамъ. Она не выдерживала сильнаго огня, изъ чего можно заключить, что пища пеклась какъ-нибудь на кострахъ или въ землѣ, а, можетъ быть, часть ѣли и сырой. Признаки огня замѣчаются на костяхъ, на глиняной посудѣ и на нѣкоторыхъ частяхъ лодки,—слѣдовательно, люди того времени были ужъ знакомы съ употребленіемъ огня. Какъ добывали они огонь—неизвѣстно. Можетъ быть, они высѣкали его изъ кремня, который былъ найденъ, хотя и въ небольшомъ количествѣ. Трудно судить также, употребляли ли они соль въ пищѣ, такъ какъ ея нигдѣ не найдено въ этой мѣстности. Они должны были получать ее изъ другихъ мѣстъ, если имѣли какія-нибудь сношенія съ жителями другихъ мѣстъ. Не найдено также и никакихъ остатковъ одежды, но, такъ какъ климатъ здѣсь долженъ былъ быть суровый, а звѣрей въ окрестныхъ лѣсахъ было много, то надо полагать, что жители носили теплыя мѣховыя шкуры, сшитыя при помощи шилъ и иглъ изъ камня и кости. Найдены также и скребки для выскребыванья шкуръ или заглаживанья швовъ. Можетъ быть, обыкновенной одеждой женщинъ и дѣтей, жившихъ въ эти отдаленныя отъ насъ времена на побережьѣ Ладожскаго озера, были мѣха, которые такъ цѣнятся нашими современными модницами. Соболи, куницы, бобры въ изобиліи водились въ дремучихъ лѣсахъ, отъ которыхъ теперь не осталось почти слѣда. Изъ

домашнихъ животныхъ люди этой мѣстности и этого времени пользовались, повидимому, только собакой.

Всѣ орудія, инструменты, оружіе и простыя украшенія, найденныя на мѣстахъ стоянокъ этихъ людей, сдѣланы изъ камня, кости или дерева. Очевидно, жители описываемой мѣстности въ то время еще не знали металловъ, т. е. принадлежали къ тому раннему періоду человѣческой культуры, который въ наукѣ принято называть «каменнымъ вѣкомъ».

Какого племени были доисторическіе люди Ладожскаго побережья, и откуда они пришли—совершенно теряется въ отдаленности тысячелѣтій. Но уже въ первомъ вѣкѣ христіанскаго лѣтосчисленія Тацитъ описываетъ дикихъ жителей этихъ мѣстъ, которыхъ онъ называетъ финнами. Онъ указываетъ на то, что у нихъ еще не было желѣза, а стрѣлы и копья ихъ были сдѣланы изъ заостренныхъ камней или кости.

Жители южнаго побережья Ладожскаго озера, оставившіе послѣ себя многочисленные курганы—могилы, разбросанныя по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ озеро, относятся ужъ къ гораздо болѣе позднему времени, чѣмъ только что описанные люди каменнаго вѣка. При изслѣдованіи этихъ кургановъ, относимыхъ учеными къ вѣкамъ IX, X и XI, найдены уже издѣлія изъ желѣза, бронзы и другихъ металловъ. Найдены также признаки разныхъ домашнихъ животныхъ, какъ лошади, свиньи, барана, собаки, курицы.

Археологъ Н. Бранденбургъ изслѣдовалъ эти курганы южнаго побережья Ладожскаго озера, занимающаго уѣздъ Новоладожскій и часть Шлиссельбургскаго. Въ восточной части это побережье орошается рѣками Сясью, Воронегой, Пашей и Оятью. Нѣкогда оно составляло часть Обонежской пятины Великаго Новгорода. Здѣсь, по словамъ Бранденбурга, сохра-

нились въ разныхъ мѣстахъ слѣды древняго языческаго населенія, жившаго между Волховомъ и рѣкой Оятью. До археологическихъ раскопокъ мѣстные жители считали курганы «военными баттареями». Когда-то у рѣки Воронеги происходила битва ладожскихъ жителей со шведами, преданіе о ней сохранилось въ памяти жителей, и они назвали военными баттареями прибрежные курганы. Но при раскопкахъ въ курганахъ оказались могилы, въ которыхъ, кромѣ человѣческихъ костей, были обнаружены разные предметы жизненнаго обихода и оружіе.

По внутренности однихъ кургановъ можно вывести заключеніе, что трупы сожигались при погребеніи, по внутренности другихъ—что ихъ зарывали прямо въ землю. тчего приблизительно въ одно и то же время и въ одной и той же мѣстности происходила такая разница въ погребеніи—объяснить невозможно. Нерѣдко въ могилахъ находятъ очаги съ такими предметами и остатками, по которымъ можно предполагать, что здѣсь совершалась тризна или поминки. Глиняные горшки, желѣзные котлы, сковороды и сковородники находятъ размѣщенными въ какомъ-нибудь опредѣленномъ порядкѣ. Бывали случаи нахожденія горшковъ, накрытыхъ сковородами. Въ одномъ курганѣ на рѣкѣ Пашѣ найденъ, между прочимъ, котелъ такъ, какъ будто онъ висѣлъ надъ очагомъ; на немъ была цѣпь и найденъ онъ былъ поверхъ возвышенія изъ углей. Въ другомъ курганѣ былъ найденъ въ такомъ же видѣ бронзовый котелокъ: здѣсь же находились кости животныхъ. Въ могилахъ, гдѣ видно трупосожженіе, находятся обыкновенно предметы вооруженія, конскаго снаряженія, домашней утвари и разныя украшенія, очевидно также бывшіе въ пламени погребальнаго костра.

Бранденбургъ набрасываетъ такую вѣроятную картину погребенія на основаніи содержанія изслѣдованныхъ имъ кургановъ: «Вѣроятно, гдѣ-нибудь по близости мѣста, выбраннаго для возведенія кургана, устраивался погребальный костеръ, на которомъ помѣщали трупъ покойника въ полномъ вооруженіи и убранствѣ, съ разными предметами его обстановки при жизни. Вмѣстѣ съ трупомъ помѣщались жертвенныя животныя или части ихъ, по всей вѣроятности совершались и человѣческія жертвоприношенія. Послѣ сожженія всѣ остатки тщательно собирались и переносились на мѣсто погребенія. Здѣсь площадь, предназначенная для насыпки кургана, предварительно выжигалась или усыпалась пепломъ отъ погребальнаго костра, и на ней складывались кости; рядомъ съ ними раскладывались разные предметы обихода и прикрывались берестой, или же кости помѣщались въ глиняные сосуды. Затѣмъ совершалась тризна, для чего въ серединѣ будущей насыпи устраивался небольшой костеръ, подъ которымъ земля усыпалась крупнымъ пескомъ, и производилось приготовленіе пищи на желѣзныхъ сковородахъ, въ котлахъ или горшкахъ. По окончаніи тризны приступали къ сооруженію кургана. Въ заключеніе, вѣроятно, вся насыпь покрывалась свѣже-нарѣзаннымъ дерномъ».

При обыкновенномъ погребеніи, кромѣ сожженія трупа, всѣ обряды, вѣроятно, были такіе же, какъ и при трупосожженіи. Около скелетовъ также находятъ предметы обихода, оружіе и разныя украшенія, остатки очага и тризны—котлы, сковороды, горшки, кости животныхъ и часто желѣзныя лопаты. Всѣ предметы, найденные въ приладожскихъ курганахъ, сдѣланы почти исключительно изъ желѣза и бронзы.

Остатковъ одежды находятъ мало, въ рѣдкихъ случаяхъ попадаются на скелетахъ обрывки изъ грубой или болѣе тонкой матеріи. Остатковъ обуви не попадается никакихъ. Но среди разныхъ инструментовъ попадается иногда желѣзный кочедыкъ—инструментъ для плетенія лаптей. Вмѣстѣ съ топорами, копьями, стрѣлами и разнымъ другимъ оружіемъ находятся украшенія въ видѣ бусъ, браслетовъ, подвѣсокъ, пряжекъ, застежекъ, пуговокъ, шейныхъ гривенъ, колецъ ручныхъ и височныхъ, серегъ, разныхъ видовъ привѣсокъ и другихъ металлическихъ украшеній. Въ видѣ привѣсокъ встрѣчаются иногда игольники, ключи, уховертки и ложечки. Затѣмъ въ большомъ количествѣ находятся бусы. Въ могилахъ съ трупосожженіемъ находятъ много разсыпанныхъ бусъ, а въ могилахъ съ обыкновеннымъ погребеніемъ находятъ цѣлыя ожерелья на скелетахъ. Бусы эти самой разнообразной формы и весьма разнообразнаго матеріала. Предметы обиходной жизни, находимые въ могилахъ, тоже очень разнообразны; тамъ встрѣчаются: ножи, точильные бруски, огнива, замки, вѣсы, гребни, ножницы и разные хозяйственные или рабочіе инструменты. Древніе язычники вѣрили въ загробную жизнь и снабжали уходившаго туда всѣми необходимыми для жизни предметами.

Бранденбургъ указываетъ на то, что всѣ вещи, найденныя въ приладожскихъ курганахъ, встрѣчаются въ описаніи быта древнихъ финновъ, которое мы находимъ въ ихъ рунахъ или преданіяхъ, изложенныхъ въ видѣ поэмы, носящей названіе «Калевала».

Въ миѳѣ (преданіи) о происхожденіи ехидны говорится, что пасть ея происходила изъ застежки, данной богиней Сюойятеръ. Въ другомъ миѳѣ заяцъ, принеся извѣстіе о гибели дѣвы Айно, говоритъ, что

красавица исчезла вмѣстѣ съ бывшей на ней серебряной застежкой; въ миѳѣ о происхожденіи желѣза къ послѣднему обращается кователь Ильмаринен̈ъ со словами: «Станешь ты мечомъ для мужа и застежками для женщинъ»*). Также много можно встрѣтить въ «Калевалѣ» указаній на пряжки, браслеты и разныя другія украшенія. Среди подвѣсокъ и украшеній встрѣчаются небольшія металлическія изображенія утки или гуся, которыя, вѣроятно, имѣли значеніе талисмановъ. По финскимъ преданіямъ, собраннымъ въ «Калевалѣ», уткѣ приписывается происхожденіе вселенной, такъ какъ изъ яйца утки вышли земля, небо, звѣзды и тучи. Слова «уточка», «курочка» служатъ у финновъ ласкательными названіями. Одинъ изъ героевъ «Калевалы», Ламмикейнен̈ъ, похитивъ невѣсту на одномъ островѣ, прощаясь съ послѣднимъ, говоритъ:

«Ну, прощайте, лугъ Саари,
Корни сосенъ и пни елей,
Гдѣ ходилъ я этимъ лѣтомъ,
Эту курочку искавши,
Все за уточкой гоняясь».

Хозяйка сѣвера, Лоухи, отдавая дочь кователю Ильмаринену, говоритъ:

«Эту уточку драгую,
Птичку нѣжную вручаю,
Будетъ дней твоихъ подругой,
Будетъ курочкой любимой».

Подвѣсокъ въ видѣ конской головки также имѣлъ значеніе по финскимъ преданіямъ. Въ одномъ мѣстѣ «Калевалы» злобная Лоухи, похитивъ съ неба солнце

*) «Калевала»—полный перев. Бѣльскаго.

и мѣсяцъ, говоритъ, что они не освободятся, пока она не выпуститъ ихъ вмѣстѣ съ девятью конями. Кони изображались на гробницахъ и какъ бы означали душу усопшаго и побѣду надъ смертью. Изображеніе конской головки считалось талисманомъ противъ всякаго зла. Подвѣски въ видѣ бронзовыхъ ключей тоже имѣли значеніе талисмановъ. По преданію древнихъ финновъ, ключами обладалъ богъ неба Укко. Всѣ предметы домашней утвари и все оружіе, найденные въ курганахъ, встрѣчаются въ описаніяхъ жизни финновъ въ «Калевалѣ».

Переходя къ курганамъ Волхова, Бранденбургъ отмѣчаетъ различіе ихъ отъ кургановъ Приладожья. Здѣсь замѣчается, прежде всего, нѣкоторая разница въ похоронныхъ обрядахъ. Трупы, очевидно, также сжигались, но остатки ихъ складывались въ особые сосуды—урны. Затѣмъ въ насыпяхъ замѣчается вездѣ присутствіе каменныхъ грудъ или кладокъ, чего совершенно не встрѣчается въ курганахъ Приладожья. Подобные курганы изслѣдовались археологами возлѣ Новгорода, на рѣкѣ Ловати, около Чернигова и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ изстари селились славяне. Волховскіе курганы Бранденбургъ считаетъ тоже славянскими.

Разныя иностранныя монеты VI, VII и VIII вѣковъ, преимущественно восточныя, найденныя въ курганахъ близъ Старой Ладоги, подтверждаютъ свидѣтельства о торговлѣ, происходившей здѣсь еще въ первые вѣка христіанства. Славяне и руссы, которые вели торговлю съ восточными народами, были извѣстны имъ съ давнихъ временъ. Арабскій писатель X вѣка Ибнъ-Фодланъ ѣздилъ въ Болгарское царство, находившееся при впаденіи рѣки Камы въ Волгу, встрѣчался тамъ съ русскими купцами и описывалъ потомъ ихъ обычаи. Обстановка, найденная при раскопкахъ славянскихъ

кургановъ, согласуется съ описаніемъ обряда погребенія у руссовъ, которое далъ этотъ писатель. Трупосожженіе было въ обычаѣ при погребеніи, но разные обряды, сопровождавшіе сожженіе, были въ зависимости отъ общественнаго или матеріальнаго положенія покойника. Иначе хоронили бѣднаго, чѣмъ богатаго, иначе князя или начальника, чѣмъ простого смертнаго. «Бѣдному человѣку дѣлаютъ у нихъ небольшое судно, кладутъ туда трупъ и сжигаютъ. Имущество богатаго они собираютъ и раздѣляютъ на три части: треть даютъ семьѣ, за треть кроятъ покойнику одежду и за треть покупаютъ горячій напитокъ, который пьютъ, когда убиваетъ себя одна изъ рабынь покойнаго и сжигается вмѣстѣ со своимъ хозяиномъ». Дальше Фодланъ разсказываетъ подробно о погребеніи знатнаго русса, на которомъ онъ присутствовалъ. «Они опустили покойника въ могилу на десять дней, закрыли могилу крышкой, а сами шили пока для него одежду. Затѣмъ семья покойнаго спросила его молодыхъ рабынь и рабовъ, кто изъ нихъ пожелаетъ умереть вмѣстѣ съ нимъ. Согласившуюся рабыню поручили двумъ дѣвушкамъ, которыя должны были стеречь ее, всюду ходить за ней, всячески служить ей и даже мыть ей ноги. Родные въ это время шили одежду и приготовляли все нужное. Дѣвушка каждый день пила, пѣла, была весела и довольна. Когда насталъ день сожженія умершаго и дѣвушки, всѣ отправились на рѣку, гдѣ стояло большое судно. Оно было уже вытащено на берегъ и стояло между четырьмя столбами, вбитыми въ землю, а кругомъ столбовъ были разставлены фигуры, похожія на людей. Люди ходили взадъ и впередъ и говорили слова, которыхъ я не понялъ, а мертвецъ лежалъ вдали, въ своей могилѣ, откуда его еще не вынимали. Потомъ

принесли ложе, поставили его на ладью и покрыли ватными стеганными одѣялами, греческой золотой паволокой и положили на нее подушку изъ той же матеріи. Все это разстилала старуха, которую руссы называютъ ангеломъ смерти. Она же распоряжалась шитьемъ платья и всѣми приготовленіями, она же должна была убить рабыню. Когда пришли къ могилѣ, то сняли землю съ деревянной крыши, отняли прочь крышу и вынули покойника, завернутаго въ холстину, въ которой онъ умеръ. Отъ холода онъ весь почернѣлъ. Крѣпкій напитокъ, плоды и музыкальные инструменты, положенные съ нимъ въ могилу, теперь вынули. Мертвеца одѣли въ штаны, сапоги, камзолъ и кафтанъ изъ золотой паволоки съ золотыми пуговицами, надѣли на него шапку изъ золотой матеріи, опушенную соболемъ. Затѣмъ понесли въ шатеръ, разбитый надъ ладьей, посадили на одѣяло, подперли подушками, принесли крѣпкій напитокъ, плоды, пахучія травы и положили возлѣ него. Здѣсь же положили хлѣбъ, лукъ и мясо. Потомъ принесли собаку, разрубили ее на двѣ части и бросили въ ладью. Все оружіе покойника разложили возлѣ него. Привели двухъ лошадей и гоняли ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не измучились, тогда разрубили ихъ своими мечами и куски бросили въ ладью. Потомъ привели двухъ быковъ, которыхъ также изрубили и бросили въ ладью. Принесли еще курицу и пѣтуха, зарѣзали ихъ и бросили туда же. Было въ пятокъ послѣ обѣда... Подняли дѣвушку въ ладью, но не пустили пока въ раскинутый надъ покойникомъ шатеръ. Пришли мужчины со щитами и палицами и поднесли ей чашу крѣпкаго напитка. Она взяла чашу, запѣла надъ нею и потомъ выпила. «Этимъ,—сказалъ мнѣ переводчикъ,—она прощается

со своими ближними». Подали ей другую чашу; она взяла, держала ее и пѣла длинную пѣсню. Но старуха торопила ее скорѣе выпить чашу и войти въ шатеръ, гдѣ лежалъ ея господинъ. Дѣвушка со страхомъ и нерѣшительно подошла къ шатру. Но едва успѣла она просунуть туда голову, какъ старуха быстро втащила ее въ шатеръ и сама вошла туда же. Въ ту же минуту мужчины начали бить палицами въ щиты, чтобы не было слышно криковъ дѣвушки и чтобы другія рабыни не испугались и не стали бы отказываться умирать со своими господами. Потомъ вошли въ шатеръ шесть мужчинъ, положили дѣвушку возлѣ господина, двое изъ нихъ схватили ее за руки, двое за ноги, а старуха, называемая ангеломъ смерти, обвила ей вокругъ шеи веревку, конецъ которой дала мужчинамъ, чтобы они затягивали. Сама же она взяла большой ширококлинный кинжалъ и нѣсколько разъ вонзила его между реберъ дѣвушки, а мужчины тянули веревку, пока не задушили ее. Затѣмъ подошелъ ближайшій родственникъ умершаго, взялъ кусокъ дерева, зажегъ его и имъ поджогъ дрова, положенныя подъ ладьей. Потомъ подошли всѣ остальные люди, каждый подкладывалъ дрова и поджигалъ ихъ. Наконецъ, огонь охватилъ дрова, затѣмъ судно, палатку съ мужчиной, дѣвушкой и всѣми находящимися въ ней вещами. Подулъ вѣтеръ, пламя разгорѣлось и распространилось. Не прошло и часа, какъ судно, дрова и трупы превратились въ пепелъ. Послѣ этого руссы сдѣлали на мѣстѣ, гдѣ стояло судно, что-то въ родѣ круглаго холма, вставили въ середину дерево, на которомъ начертали имя усопшаго, и удалились».

Въ числѣ другихъ Волховскихъ кургановъ Бранденбургъ изслѣдовалъ и величественный курганъ у

села Михаила Архангела, верстахъ въ восьми отъ Старой Ладоги, который преданіе называетъ Олеговой могилой. Курганъ этотъ доходитъ до пяти саженъ вышины и до 140 аршинъ въ окружности. До раскопокъ онъ былъ въ видѣ усѣченнаго конуса и имѣлъ въ основаніи каменную кладку изъ плитъ, какъ бы обходящую подошву кургана внутри его. По изслѣдованіи кургана нашли на глубинѣ отъ вершины въ пять аршинъ двѣ небольшія груды камней и родъ площадки, выложенной плитами, на три аршина глубже еще пять плоскихъ грудъ, или каменныхъ помостовъ, сложенныхъ изъ булыгъ въ два яруса. Наконецъ, на глубинѣ въ 13 аршинъ, т. е. въ основаніи кургана, нашли семь отдѣльныхъ каменныхъ грудъ, также частью въ видѣ болѣе или менѣе правильныхъ помостовъ, частью же въ видѣ громадныхъ кучъ булыжниковъ. По самой подошвѣ подъ всей насыпью растилался черный слой съ вкрапинами угля, на которомъ между упомянутыми грудами найдены четыре обгорѣлыхъ бревна. Вся подошва была обнесена каменной оградой около двухъ аршинъ толщиной, при чемъ наружная ея сторона состояла изъ ряда огромныхъ валуновъ, а внутренняя тонкая стѣнка изъ плитъ, пустое же пространство въ аршинъ между ними было забито мелкими камнями со щебенкой и сверху прикрыто плитами. Кромѣ того въ насыпи было найдено немного разбросанныхъ обломковъ костей, желѣза и бронзовой проволоки, развалившійся глиняный горшокъ съ кусками какой-то черной обугленной массы (животнаго угля, быть можетъ, отъ сожженнаго мяса), съ остатками коры или бересты, которой, по всей вѣроятности, былъ накрытъ горшокъ. Наконецъ, въ подошвѣ кургана найденъ только небольшой слой сожженныхъ костей. Но снаружи на-

сыпи было обнаружено цѣлое языческое могилище, заключавшее 14 погребенныхъ труповъ. Снаружи могильникъ не имѣлъ никакихъ признаковъ, но внутри былъ продолговатой формы и какъ бы огибалъ круглую подошву кургана. Ряды лежавшихъ въ немъ скелетовъ слѣдовали за кривизной насыпи и постепенно вслѣдствіе этого измѣняли свое положеніе. Изъ числа труповъ два было женскихъ. При нѣкоторыхъ скелетахъ оказались кое-какіе предметы украшеній, какъ кольца, бусы, пряжка, затѣмъ костяной гребень, нѣсколько ножей и обломокъ венедской монеты XI вѣка.

Въ лѣтописи Ипатьевскаго списка мы видимъ указаніе на то, что уже въ XII вѣкѣ жители Ладоги находили въ землѣ разныя украшенія и старинныя вещи. Лѣтописецъ, какъ видно, былъ въ Ладогѣ во время построенія въ ней каменнаго городища, о которомъ онъ и сообщаетъ, между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ лѣтописи: «Въ се же лѣто Мстиславъ заложи Новгородъ боліи перваго. Въ се же лѣто заложена бысть Ладога каменіемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при князѣ Мстиславѣ. Пришедшю ми въ Ладогу, повѣдоша ми ладожане, яко сдѣ есть, егда будетъ туча велика, и находятъ дѣти наши глазкы стеклянныи, и малыи и великыи, провертаны, а другые подлѣ Волховъ беретъ, еже выполаскиваетъ вода, отъ нихъ же взяхъ болѣе ста; суть же различни». Изъ дальнѣйшаго разговора лѣтописца съ ладожанами видно, что они связывали нахожденіе бусъ на размытомъ дождемъ или волнами Волхова берегу съ грозой, тучами и другими явленіями природы. Они считали это дивомъ и, очевидно, имъ не приходило въ голову, что они находятъ остатки украшеній, которыя носили люди, жившіе здѣсь задолго до нихъ.

Раскопки кургановъ съ научной цѣлью, т. е. археологическія, стали производиться уже въ гораздо болѣе позднія времена. Волховъ въ этомъ отношеніи былъ счастливѣе всѣхъ другихъ историческихъ мѣстъ въ Россіи, на его берегахъ были произведены первыя археологическія раскопки. Но многіе курганы, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ, были разорены и разграблены еще въ древности и, конечно, безъ всякой научной цѣли, а просто съ желаніемъ поживиться. Нѣмые, загадочные холмы—«сопки», какъ называютъ ихъ обыкновенно, давно уже интересовали людей, а преданія о богатыхъ кладахъ, зарытыхъ въ нихъ, разжигали интересъ. На это хищническое опустошеніе кургановъ Волхова указываетъ Штрандманъ, оставившій въ 1816 году рукописное описаніе кургановъ Россіи и Сибири. Передавая, что въ Старой Ладогѣ, въ одномъ курганѣ, около 1774 года были выкопаны какія-то необыкновенной величины человѣческія кости, Штрандманъ указываетъ на огромный курганъ ниже Ладоги, глубоко разрытый кладоискателями.

По сообщенію Гюссена, издавшаго въ 1773 году въ Лейпцигѣ описаніе Петербурга, еще до 1710 года евангелическимъ пасторомъ Толлемъ была совершена археологическая экскурсія за Шлиссельбургъ и Старую Ладогу для курганныхъ раскопокъ. Тогда же были найдены имъ многія древности, поступившія потомъ въ частную собственность. Здѣсь же производились въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія раскопки В. Прохоровымъ и нѣкоторыми другими археологами, но результаты или неизвѣстны или незначительны. Самые цѣнные и осязательные результаты дали раскопки въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, произведенныя

вышеупомянутымъ Н. Бранденбургомъ. Онъ же производилъ раскопки Рюриковой крѣпости и нѣсколькихъ разрушенныхъ церквей, исчезнувшихъ съ теченіемъ времени подъ земляными насыпями.

Раскопки крѣпости, основательно уже къ тому времени разрушившейся и ушедшей въ землю, обнаружили все разнообразіе ея переживаній и дали разнообразные остатки людей разныхъ племенъ и разныхъ состояній, перебывавшихъ на ея области чуть не съ доисторическихъ временъ. Наряду съ медвѣжьимъ зубомъ съ просверленнымъ отверстіемъ и небольшимъ каменнымъ дискомъ съ отверстіемъ въ центрѣ, т. е. предметами, которые могутъ быть отнесены къ доисторическимъ временамъ, можно встрѣтить среди находокъ рыцарскую шпору, рукоятку шпаги или даже мѣдную полушку 1735 года.

Бранденбургъ тщательно изслѣдовалъ внутренности всѣхъ башенъ, глубокіе сводчатые входы и переходы которыхъ смущали жителей и возбуждали всевозможные разговоры о таинственныхъ подземныхъ и подводныхъ ходахъ. Мы приведемъ здѣсь только нѣкоторыя описанія изслѣдованій найденныхъ предметовъ, по которымъ можно судить о характерѣ находокъ и во всемъ городищѣ.

«При очисткѣ пола башни отъ покрывавшаго его черноземнаго слоя, въ послѣднемъ было найдено довольно много различныхъ предметовъ, какъ: ручной мельничный жерновъ, желѣзная оправа отъ заступа, обломокъ копья, цѣпь съ крюкомъ, желѣзный ковшъ, три ножа, таганъ, кирка, ключъ, большой дверной замокъ, конская подкова, сапожная подковка, родъ костяного свистка, черепки глиняной посуды (нѣкоторые съ поливой, другіе грубые, съ древними украшеніями, свойственными курганному періоду), об-

ломки желѣза, гвозди, много костей животныхъ, осетровая шелуха и кости, угли и пять чугунныхъ ядеръ. Подобный характеръ находокъ можетъ указывать, что въ этой части башни находились въ свое время болѣе или менѣе постоянные обитатели, даже готовившіе здѣсь себѣ пищу». Въ другомъ мѣстѣ было найдено слѣдующее: «Грубые (безъ поливы) глиняные черепки, изъ которыхъ на одномъ характерный орнаментъ (рисунокъ) курганнаго періода (волнообразный), часть конской подковы древняго образца, желѣзный вбивной въ стѣну свѣтецъ, подсвѣчникъ ножъ, желѣзное кольцо и плоская глиняная бляшка съ отверстіемъ».

Раскопали также мѣсто исчезнувшей Тайничной башни, «гдѣ находилась большая сѣдловина, покато спускавшаяся къ Волхову. Вскорѣ послѣ начатія работъ среди этой сѣдловины былъ обнаруженъ незначительный остатокъ каменной сводчатой перемычки, при окапываніи которой оказались по бокамъ двѣ каменныя параллельныя стѣны, шедшія по направленію къ рѣкѣ, а между ними ступени каменной лѣстницы, спускавшейся туда же. Очевидно, что здѣсь были найдены остатки именно того тайника, который велъ къ колодцу подъ башней. При дальнѣйшемъ производствѣ работъ открылась и вся лѣстница, имѣвшая въ ширину четыре аршина и составлявшая одинъ маршъ въ 21 ступень на протяженіи четырехъ саженъ».

Между прочимъ, Бранденбургъ упоминаетъ объ одномъ любопытномъ слухѣ, распространившемся среди жителей Ладоги во время раскопокъ. Въ одномъ изъ внутреннихъ проходовъ башни, на потолкѣ и на полу, образовались, вслѣдствіе просачиванія воды сквозь известковую кладку надъ проходомъ, сталак-

титы и сталагмиты. Нѣкоторые изъ нихъ были до вершка толщиной и придавали очень странный видъ темному закрытому проходу. Несмотря на данное объясненіе, рабочіе приняли торчавшія сверху и снизу толстыя сосульки за статуи и стали говорить объ идолахъ, найденныхъ въ крѣпости.

Въ главѣ о церквахъ и монастыряхъ Ладоги было сказано объ исчезнувшихъ церквахъ, найденныхъ тѣмъ же Бранденбургомъ подъ старыми часовнями, крестами и земляными насыпями. Въ восьмидесятыхъ же годахъ другой археологъ—Д. Сабанѣевъ, осматривая земляное городище и его обвалы, наткнулся на остатки фундамента и стѣнъ Климентовской церкви. Онъ указывалъ на то, что уцѣлѣло подсводное нижнее помѣщеніе, въ которомъ видна стѣнная живопись; но такъ какъ подсводное пространство заполнено землею со щебнемъ, то, чтобы достать обломки фресковой живописи, нужно расчистить этотъ мусоръ По его словамъ, изученіе очертаніи плана храма заставляетъ видѣть въ немъ типичную православную церковь первыхъ вѣковъ водворенія христіанства на Руси. Дальше церковь не раскапывали, и развалины каменныхъ стѣнъ съ древними фресками остались подъ землею.

Можетъ быть, много и еще кое-чего погребено внутри стараго земляного города — этой большой бугристой возвышенности, мѣстами заросшей травой, мѣстами раскопанной подъ огороды. Какъ и во времена первыхъ лѣтописцевъ, весеннія воды Волхова размываютъ ея основаніе, и, какъ тогда, копаются ребятишки въ каменистой землѣ. Они знаютъ, что господамъ, раскапывающимъ огороды у батюшки и псаломщика, нужна каждая бусынка, интересенъ каж-

дый острый кончикъ стрѣлы, какъ остатокъ отъ жизни людей, жившихъ здѣсь когда-то очень давно.

Съ 1909 года производятся каждое лѣто раскопки земляного городища подъ руководствомъ археолога Н. И. Рѣпникова. Снимаютъ гряды съ капустоіі и глубоко, до самаго материка, раскапываютъ земляную насыпь.

Болѣе тысячи лѣтъ назадъ была сдѣлана она для защиты отъ враговъ и для обозначенія древняго города. За высокими земляными валами устраивали люди свои жилища. Враги разоряли жилища, выгоняли обитателей и на развалинахъ, полузасыпанныхъ землею, селились сами.

Осторожно снимаютъ работники наслоенія земли, внимательно разсматриваютъ ихъ и находятъ между ними остатки жилищъ и быта разныхъ племенъ.

Материкъ земляного городища состоитъ изъ слоя глины, подъ которымъ находится слой бѣлаго песку. Непосредственно на глинистомъ слоѣ лежитъ слоіі тучнаго чернозема, состоящаго изъ чешуи рыбъ, угля и отдѣльныхъ рыбьихъ костей. Въ этомъ слоѣ при раскопкахъ не было ничего найдено, кромѣ небольшого количества грубыхъ черепковъ сосудовъ, приготовленныхъ изъ дурноіі глины съ большоіі примѣсью толченоіі дресвы. Дальше идетъ слоіі болѣе свѣтлаго чернозема, который и составляетъ насыпь вала со всевозможными остатками быта. Здѣсь было найдено большое количество разнообразныхъ черепковъ сосудовъ съ орнаментами, кости животныхъ и разные мелкіе предметы и украшенія. Въ числѣ находокъ имѣются, между прочимъ, разныя издѣлія изъ костеіі животныхъ и недоконченныя подѣлки изъ роговъ лося и тура. Здѣсь же найдены разнообразныя бусы, шифер-

ное прясло, обломки стеклянныхъ браслетовъ и золотая лунница-подвѣска.

На первомъ глиняномъ слоѣ городища находится толстый пластъ, заключающій въ себѣ кости рыбъ и животныхъ, которыя являются результатомъ рыбнаго и звѣроловнаго промысловъ ладожскихъ жителей. Здѣсь же найдены орудія изъ камня и кости. По отсутствію среди находокъ желѣза, можно полагать, что жители этого періода употребляли, какъ матеріалъ для своихъ издѣлій, камень и кость, умѣли ужъ ихъ полировать, но металловъ еще не знали.

На всемъ пространствѣ Сѣверной Россіи насчитывается очень много такихъ мѣстъ, гдѣ находятъ подобныя орудія изъ камня и кости; но въ Ладогѣ, кромѣ нихъ, найдено еще большое количество и разныхъ деревянныхъ издѣлій. Среди находокъ встрѣчаются разные предметы домашней утвари, сдѣланные изъ березовой коры, затѣмъ деревянныя рукоятки и охотничьи снаряды, которые можно отнести къ эпохѣ доисторическаго человѣка. Опредѣлить точно время, въ какое жили люди, оставившіе здѣсь эти слѣды жизни, невозможно. Но на поверхности этого слоя были уже найдены остатки построекъ, которыя могли служить жилищами людямъ VII или VIII столѣтія. Надъ этими постройками идутъ наслоенія земли, заключающія въ себѣ разнообразные предметы, относимые археологами къ предметамъ обиходной жизни финновъ отъ VII и VIII вѣковъ. На поверхности этого слоя снова найдены остатки деревянныхъ построекъ, которыя археологи относятъ къ типу норманскихъ построекъ вѣка X. Въ наслоеніяхъ мусора надъ постройками, помимо многочисленныхъ бытовыхъ предметовъ, найдены предметы, относящіеся къ вооруженію норманскихъ викинговъ IX и X вѣковъ. Выше

этого слоя идетъ мощный пластъ чернозема, въ которомъ находили разнообразный и подчасъ очень цѣнный матеріалъ, относящійся къ жизни русскихъ отъ XII до XVIII столѣтія. Но въ этихъ слояхъ, къ сожалѣнію, не сохранилось никакихъ остатковъ деревянныхъ построекъ указаннаго времени. Здѣсь нѣтъ предохраняющихъ природныхъ условій, благодаря которымъ въ болѣе глубокихъ, древнѣйшихъ наслоеніяхъ земли сохранились такіе легко поддающіеся тлѣнію предметы, какъ дерево, кожа, ткани и т. п. Условія эти зависятъ отъ того, что весеннія воды отъ таянія снѣговъ задерживаются въ нижнихъ глубокихъ слояхъ земли и образуютъ вѣчно жидкую подпочвенную массу.

По Ладожскимъ описнымъ книгамъ и документамъ XVII вѣка видно, что на земляномъ городищѣ была выстроена впослѣдствіи деревянная крѣпость, связанная съ каменной. Въ деревянномъ городищѣ сосредоточивалась преимущественно административная жизнь Ладоги, въ каменномъ—военная. Съ основаніемъ Новой Ладоги то и другое было перенесено туда по словесному приказанію Петра Великаго. Съ этого времени Ладога стала называться Старой и потеряла званіе и значеніе города, а ея каменная и деревянная твердыни были заброшены и постепенно разрушались.

Уже съ 1724 года земляное городище было заглохшимъ пустыремъ, на которомъ виднѣлись только груды развалинъ упраздненной церкви св. Климента. Мало-по-малу и эти развалины исчезли подъ землей, заросшей сочной высокой травой. Въ настоящее время отъ деревяннаго городища не осталось никакихъ слѣдовъ, а остатки стѣнъ и башенъ каменнаго разрушаются и обваливаются въ Волховъ и Ладожку.

Много интереснаго и, можетъ быть, совершенно новаго дадутъ начатыя раскопки Старой Ладоги. Эта древняя торговая гавань и военная крѣпость видала на протяженіи многовѣкового періода своего существованія, въ качествѣ враговъ, гостей и временныхъ или постоянныхъ жителей, представителей чуть не всѣхъ народовъ Европы.

Старая Ладога была стоянкой доисторическаго человѣка, участвовала въ торговлѣ по великому древнему пути, была первой столицей нашего нарождавшагося государства, принимала участіе въ вѣковой борьбѣ изъ-за моря, а теперь тихо дремлетъ въ роли захолустнаго селенія подъ звонъ монастырскихъ колоколовъ.

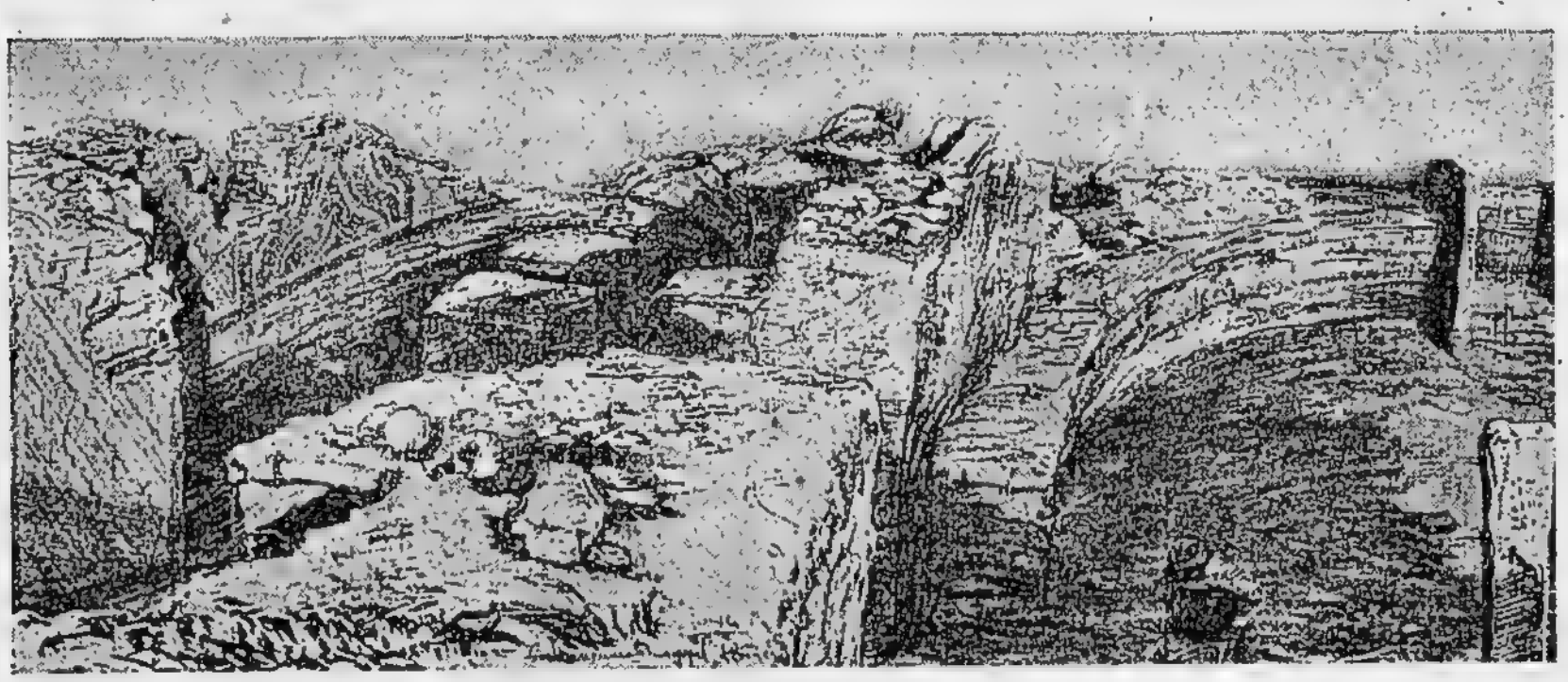

Рис. 16. Видъ развалинъ храма во время раскопокъ.

Главнымъ матеріаломъ для составленія исторіи Старой Ладоги служили: Н. Е. Бранденбургъ «Старая Ладога», С. М. Соловьевъ «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» и И. Забѣлинъ «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ».